

что на самомъ дѣлѣ эти изслѣдованія были извѣстны ему и приняты имъ во вниманіе. Неполно имъ собраны также и извѣстія объ абиссинской церкви, сохранившіяся у греческихъ церковныхъ историковъ. Сообщеній Никифора Каллиста и Кедрина Долганевъ совсѣмъ не знаетъ.

Основнымъ источникомъ его сочиненія служили труды І. Лудольфа, которыми онъ воспользовался съ должной полнотой и осмотрительностью. Кромѣ Лудольфа онъ перечиталъ много и другихъ пособій подобнаго рода. О предметѣ своего сочиненія онъ имѣетъ ясное и отчетливое представленіе. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, исполнѣнъ правилень.

Въ нашей литературѣ г. Долганевъ уже заявилъ себя книгой о странѣ эіоповъ и ихъ религіозномъ состояніи; разсматриваемое сочиненіе является новымъ доказательствомъ похвальнаго усердія, съ какимъ онъ занимается этимъ, хотя и отдаленнымъ, но весьма примѣчательнымъ уголкомъ христіанскаго міра. Присужденіе г. Долганеву степени кандидата богословія и можетъ послужить лучшимъ поощреніемъ этого усердія“.

21. Доцента Анатоля Спасскаго о сочиненіи студента *Достойнова Якова*: „Исторія вопроса о принятіи падшихъ въ церковь“:

„Подъ заглавіемъ „Исторія вопроса о принятіи падшихъ въ церковь“ г. Достойновъ представилъ сочиненіе, которое не во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ быть признано отвѣчающимъ своей задачѣ. Въ небольшомъ введеніи къ сочиненію (1—11 стр.), правильно опредѣливъ спеціальное значеніе термина „падшіе“, онъ безъ особенной нужды и съ излишней подробностью полемизируетъ съ Фарраромъ и вооружается противъ „философствованія“ въ исторіи. Самое сочиненіе раздѣляется на двѣ части, связанныя между собой весьма слабою связью. Первая часть (13—139 стр.) трактуетъ о монтанизмѣ,—о времени его появленія, объ отношеніи монтанистовъ къ православной церкви и о соборахъ противъ нихъ,—и подробно излагаетъ ученіе монтанистовъ о духовныхъ дарованіяхъ, второмъ бракѣ, постахъ и о принятіи тяжко согрѣшившихъ въ церковь. Такъ какъ монтанистическое движеніе имѣло лишь косвенное отношеніе къ вопросу, занимающему Достойнова, подготавливая собой

только почву къ возникновенію его, то и всѣ эти подробности касательно ученія монтанистовъ являются излишними въ его сочиненіи; безъ всякаго ущерба дѣлу онѣ могли бы быть устранены оттуда. Задачѣ сочиненія отвѣчаетъ одна только вторая часть его, обнимающая 139—243 стр.; здѣсь Достойновъ разсуждаетъ о расколѣ Новата, Фелициссима и Новаціана, возникшемъ именно по поводу вопроса о принятіи падшихъ въ церковь, и слѣдитъ какъ за исторіей раскола, такъ и за постепеннымъ развитіемъ самаго вопроса о падшихъ. Свою работу онъ заканчиваетъ обзорѣмъ правилъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, окончательнo рѣшившихъ дѣло о падшихъ и опредѣлившихъ способъ принятія ихъ въ церковь. Не отличаясь, такимъ образомъ, надлежащей выработанностью плана, сочиненіе Достойнова страдаетъ при этомъ и другимъ еще крупнымъ недостаткомъ: авторъ имѣетъ сильное пристрастіе къ длиннымъ буквальнымъ выдержкамъ изъ своихъ источниковъ и наполняетъ ими цѣлые отдѣлы своего сочиненія; такъ напр. выдержки изъ твореній Тертуліана занимаютъ у него не менѣе 70 стран. (47—52; 60—63; 64—68; 73—138). Вслѣдствіе этого и вся работа Достойнова приобретаетъ характеръ скорѣе сборника матеріаловъ по вопросу о падшихъ, чѣмъ изслѣдованія *исторіи* вопроса. Но задавшись цѣлію извлечь весь пужный матеріалъ изъ источниковъ, Достойновъ успѣлъ обнаружить здѣсь значительное усердіе и трудолюбіе. На изученіи этихъ источниковъ онъ и обосновалъ все свое сочиненіе. Онъ тщательно прочелъ и, притомъ, въ подлинномъ языкѣ творенія Тертуліана и хорошо ознакомился съ письмами и нѣкоторыми сочиненіями св. Кипріана Карфагенскаго. Ему извѣстенъ также и рядъ другихъ документовъ, касающихся непосредственно вопроса о падшихъ. Свое сочиненіе составлено имъ въ добромъ направленіи и проникнуто теплымъ религіознымъ чувствомъ. Принимая во вниманіе, что указанные выше недостатки сочиненія относятся главнымъ образомъ къ формальной сторонѣ дѣла и вытекаютъ изъ естественной для начинающаго автора неопытности въ самостоятельномъ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ, я не считаю возможнымъ придавать имъ рѣшающее значеніе и, въ виду обнаруженнаго Достойновымъ усердія

и добраго направленія, признаю его сочиненіе достаточнымъ для той цѣли, для какой оно писано“.

22. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Забавина Бориса*: „*Теофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій*“:

„Обширное (въ 560 стр.) сочиненіе г. Забавина состоитъ изъ введенія и двухъ частей изслѣдованія.

Во введеніи (стр. 1—20), послѣ общаго обозрѣнія главныхъ направленій русской мысли и жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія, авторъ даетъ краткую характеристику личности святителя Теофилакта на основаніи свидѣтельствъ иностранныхъ и отечественныхъ писателей и устанавливаетъ планъ изслѣдованія. Двѣ почти равныя по объему части разсматриваемаго сочиненія посвящены: первая—біографическому очерку архіепископа Теофилакта, а вторая—обзору его сочиненій.

„Жизнь и дѣятельность Теофилакта,—говоритъ авторъ,—могутъ быть раздѣлены на три періода. Первый періодъ—время наставничества и ректорства Теофилакта въ Московской академіи съ 1704 по 1722 г. За этотъ періодъ, называемый академическимъ-московскимъ, дѣятельность Теофилакта можно назвать самой цвѣтущей и многоплодной, выразившеюся преимущественно въ научныхъ философскихъ, богословскихъ и богословско-полемическихъ трудахъ. Второй періодъ—періодъ синодальной дѣятельности отъ назначенія въ 1722 г. Теофилакта архимандритомъ Чудова монастыря и совѣтникомъ въ Св. Синодѣ простирается до 1730 г., до времени увольненія Теофилакта изъ Синода. Въ этотъ періодъ во всей широтѣ раскрылась архипастырская дѣятельность Теофилакта, которой, по словамъ его біографа, радовалась вся паства, видя у себя архипастыря просвѣщеннаго и добраго, и дышала утѣшительными надеждами многихъ и великихъ отъ него благодѣяній. Наконецъ, третій періодъ—періодъ непрерывныхъ тяжелыхъ страданій, начавшихся по поводу изданія „Камня вѣры“ со времени увольненія Теофилакта изъ Св. Синода и послѣдовавшаго вскорѣ взятія его въ С.-Петербургъ подъ стражу и заключенія въ крѣпость и продолжавшихся до самой смерти Теофилакта, послѣдовавшей вскорѣ послѣ освобожденія его изъ крѣпости въ 1741 г.“ (стр. 18—20). Соотвѣт-

ственно этому первая часть изслѣдованія распадается на три главы.

Въ главѣ первой (стр. 21—89), сообщивъ имѣющіяся историческія свѣдѣнія о происхожденіи и образованіи Теофилакта и предложивъ попутно характеристику состоянія Кіевской академіи въ эпоху Іоасафа Кроковскаго и преобразования Московской академіи по образцу Кіевской, авторъ останавливается подробнѣе на дѣятельности Теофилакта, какъ наставника и ректора Московской славяно-греко-латинской академіи, на заботахъ его объ улучшеніи внутренняго и внѣшняго состоянія академіи и на наставническихъ его трудахъ, причемъ указываетъ разницу въ методахъ преподаванія Теофилакта и Теофана Прокоповича. Отмѣтивъ полемику Теофилакта противъ „Ига неудобноносимаго“ Теофана, какъ поводъ къ обнаруженію между ними враждебныхъ отношеній, авторъ и далѣе послѣдовательно изображаетъ характеръ и причины взаимныхъ отношеній между этими двумя выдающимися представителями русской церкви. Въ концѣ главы авторъ ведетъ рѣчь о тѣхъ особыхъ порученіяхъ, которыя въ этотъ періодъ его дѣятельности возлагались на него волею Императора Петра I, каковы: исправленіе службъ о Полтавской побѣдѣ, обращеніе еретиковъ и исправленіе славянскаго перевода Библии, причемъ подробнѣе говоритъ о трудахъ его по исправленію славянскаго библейскаго текста, о судьбѣ этихъ трудовъ и значеніи ихъ для исправителей елисаветинскаго времени.

Глава вторая (стр. 90—155) посвящена синодальному періоду жизни и дѣятельности Теофилакта. Въмѣсто научныхъ занятій, которымъ всецѣло до этого времени посвящала себя Теофилактъ, теперь, говоритъ авторъ, получаютъ для него преобладающее значеніе пастырскія обязанности. Общественная дѣятельность на защиту православной вѣры, главной основы русской народной жизни, отъ разливавшагося въ то время яда раскольническихъ заблужденій и нѣмецкихъ лютеранскихъ идей съ одной стороны, ревность и просвѣщеніе заблуждающихся и находящихся во тьмѣ язычества съ другой—составляютъ главную заботу Теофилакта въ этотъ періодъ его дѣятельности (стр. 91—92). Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за исторіей разнообразныхъ церковныхъ отноше-

ній Теофилакта къ разнымъ лицамъ, имѣвшимъ то или иное вліяніе на послѣдующую его судьбу.

Глава третья (стр. 156—256) имѣетъ своимъ предметомъ третій и послѣдній періодъ жизни святителя Теофилакта—періодъ его страданій. Авторъ довольно подробно останавливается на значеніи сочиненія Стефана Яворскаго „Камень вѣры“ и на обширной полемической литературѣ, вызванной его изданіемъ, и далѣе подробно излагаетъ исторію злочлюченій невиннаго страдальца.

Вторая часть раздѣляется, какъ и первая, на три главы, изъ коихъ въ первой (стр. 257—398) подробно разсматриваются лекціи Теофилакта по философіи и богословію—по сохранившимся латинскимъ рукописямъ Московской духовной академіи, во второй (стр. 398—478)—полемическія сочиненія Теофилакта и въ третьей (стр. 479—560)—проповѣди его и „Зерцало горячайшаго ко Господу Богу духа“. Въ частности, въ первой главѣ авторъ отмѣчаетъ схоластическое направленіе въ Кіевской академіи, причины его господства на Западѣ и у насъ въ Россіи и вліяніе его на Теофилакта при составленіи имъ лекцій по философіи и богословію. Изложивъ содержаніе лекцій по философіи, т. е. логикѣ, физикѣ и метафизикѣ (по латинскимъ рукописямъ Моск. дух. академіи №№ 289, 290, 291 и 318), авторъ указываетъ на отсутствіе въ нихъ единства и послѣдовательности и раскрываетъ характеристическія черты плана и содержанія философскихъ чтеній. Равнымъ образомъ, и по отношенію къ богословскимъ чтеніямъ Теофилакта, авторъ предлагаетъ конспектъ его лекцій (по латинскимъ рукописямъ Моск. дух. акад. №№ 255, 257, 259, 262, 271, 273 и 274) и характеристику ихъ со стороны плана, содержанія и способовъ рѣшенія вопросовъ. Глава заключается замѣтками о языкѣ и характерѣ латинскаго письма академическихъ рукописей, содержащихъ философскіе и богословскіе уроки Теофилакта.

Въ главѣ второй, изложивъ содержаніе сочиненія Теофилакта „Иго благое“, авторъ раскрываетъ основную идею, достоинства, недостатки и судьбу этого труда. частіиѣе останавливается на главахъ 15-й и 17-й, изъ которыхъ приводитъ образцы полемики Теофилакта, и затѣмъ переходитъ къ другому его полемическому сочиненію „Обличе-

ніе неправды раскольническаго“, причемъ излагаетъ планъ, методъ и значеніе этого труда Теофилакта въ противораскольнической литературѣ.

Въ главѣ третьей второй части авторъ излагаетъ содержаніе и даетъ характеристику сохранившихся проповѣдей Теофилакта и въ заключеніе предлагаетъ подробный обзоръ содержанія „Зерцала горячайшаго ко Господу Богу духа“, представляющаго важныя данныя для уясненія внутренняго настроенія и религіознаго міросозерцанія святителя Теофилакта. Характеристикой личности Теофилакта на основаніи данныхъ „Зерцала“ заключается разсматриваемое сочиненіе.

Какъ видно изъ представленнаго обзора содержанія сочиненія г. Забавина, намѣченный имъ планъ выполненъ удовлетворительно. Предметъ обнять широко и раскрытъ основательно. Какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ концѣ своего труда, имъ оставлены безъ разбора нѣкоторыя произведенія Теофилакта, такъ какъ они не имѣютъ значенія для характеристики его, какъ мужа науки и борца за православную вѣру. Соглашаясь съ этою послѣднею мыслію, нельзя однако не выразить сожалѣнія, что автору не удалось имѣть подъ руками и подвергнуть разбору „комедію“ („Божіе уничиженіе гордыхъ уничиженіе“), на которой, какъ и на лекціяхъ Теофилакта, отразилось вліяніе схоластическаго образованія. Въ введеніи авторъ представилъ отзывы о Теофилактѣ иностранцевъ и отечественныхъ писателей. Но еще было бы лучше, если бы здѣсь же въ введеніи авторъ предложилъ критическій обзоръ литературы по вопросу объ архіепископѣ Теофилактѣ. Это было бы даже выгодно для автора, такъ какъ показало бы, что собственно имъ сдѣлано впервые для всесторонняго уясненія предмета. А сдѣлано имъ не мало. Видную заслугу автора составляетъ довольно подробное изложеніе и разборъ содержанія философскихъ и богословскихъ лекцій Теофилакта—непосредственно по латинскимъ рукописямъ Московской духовной академіи, писаннымъ—кстати замѣтить—весьма мелко, убористо, со множествомъ различныхъ словосокращеній. Правда, въ „Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи“ С. К. Смирнова дано обзорѣніе содержанія богословскихъ и философскихъ уроковъ Теофилакта, но лишь общее и

краткое и безъ соотвѣствующихъ цитатъ. Затѣмъ, авторомъ впервые подробно изложено содержаніе „Зерцала“ и извлечены изъ него данныя для характеристики личности Теофилакта. И прочія главы первой и второй части разсматриваемаго сочиненія обработаны г. Забавинымъ старательно и равномерно. Высокая и свѣтлая личность страдальца святителя понята авторомъ правильно. Авторъ видимо съ неослабѣвающею любовью относился къ предмету своего труда. Направленіе сочиненія строго православное. Изложеніе въ общемъ отличается ясностію, раздѣльностію и точностію. Иностранныя слова, за немногими исключеніями, старательно избѣгаются. Для полученія степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Забавина удовлетворительнымъ“.

23. Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Звирева Александра*: „Древне-христіанскія огласительныя училища“:

„Во введеніи (стр. 1—59) дѣлается краткій обзоръ и сравнительная оцѣнка сохранившихся древнихъ извѣстій объ огласительныхъ училищахъ, причемъ авторъ показываетъ, какъ нѣкоторыя, недостаточно опредѣленные, выраженія историческихъ памятниковъ нерѣдко служили поводомъ къ самымъ произвольнымъ сужденіямъ и догадкамъ, выдававшимся однако за положительные точные выводы научныхъ изслѣдованій. Со своей стороны, авторъ порѣшилъ воздерживаться отъ произвольныхъ измышленій досузей фантазиі и ограничиваться лишь несомнѣнно доказанными и ясными данными. Таковыхъ оказалось не слишкомъ много и сочиненіе вышло не велико по объему; равнымъ образомъ и изображеніе древнихъ огласительныхъ училищъ не отличается рельефностію и полнотою въ подробностяхъ. Зато въ немъ нѣтъ ничего лишняго и необоснованнаго.

Въ 1-мъ отдѣлѣ (60—147) авторъ устанавливаетъ *общее опредѣленіе* огласительныхъ училищъ, какъ миссіонерски-просвѣтительныхъ церковныхъ учрежденій.

Во 2-мъ отдѣлѣ (148—240) говорится о *занятіяхъ* въ этихъ училищахъ, — частіе: о положеніи свѣтскаго научно-философскаго образованія въ нихъ, о религіозномъ обученіи, о нравственномъ воспитаніи, объ учителяхъ и ученикахъ.

Въ послѣднемъ 3-мъ отдѣлѣ (240—256) обрисовывается

внѣшня организациа огласительныхъ училищъ, — ихъ отношеніе къ мѣстнымъ епископамъ, средства содержанія учителей, помѣщеніе училищъ.

Можно не во всемъ согласиться съ критическими сужденіями г-на Звѣрева, но никакъ нельзя отказать ему въ умѣнѣ разобраться въ научномъ матеріалѣ, изложить его по ясному плану и сжатой точной рѣчью. Видна мысль, могущая работать самостоятельно и живо интересующаяся судьбами Христовой церкви.

Для степени кандидата богословія разсмотрѣнное сочиненіе вполне удовлетворительно“.

24. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента священника *Иванова Ксенофонта*: „Основанія запрещенія браковъ въ 4-й степени кровнаго родства“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ введенія (1—20) и четырехъ главъ.

Во введеніи авторъ прежде всего указываетъ на особенную благовременность для разсмотрѣнія и разъясненія тѣхъ основаній, по которымъ наша православная церковь запрещаетъ браки въ 4-й степени кровнаго родства, а именно: въ нашей періодической печати въ прошломъ году по данному вопросу выражены были довольно энергично два противоположныя воззрѣнія. Одно—консервативное, отстаивающее церковное воззрѣніе на бракъ, другое—либеральное, западническое, которое тяготится существующими ограниченіями въ нашей православной церкви въ бракахъ между близкими родственниками. Представители перваго направленія („Церковный Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“) не отрицаютъ необходимости нѣкоторыхъ перемѣнъ въ существующихъ узаконеніяхъ о бракѣ, но ставятъ непремѣннымъ условіемъ ихъ—основательное изученіе всего каноническаго права православной церкви, соотвѣтствіе ихъ съ требованіями жизни и взглядами нашего народа и наконецъ обязательное и даже рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ церковной власти; между тѣмъ представители втораго направленія („Вѣстникъ Европы“ и „Недѣля“) увлеченные примѣромъ Запада, настаиваютъ на полнѣйшемъ резонѣ тѣхъ нововведеній въ воззрѣніяхъ на кровосмѣшеніе въ бракѣ, какія выработали составители проекта уложенія о наказаніяхъ (ст. 440, 441), и желаютъ примѣненія ихъ къ жизни, не

смотря на все ихъ несоотвѣтствіе съ церковными узаконеніями. „Если считать,—говорить авторъ,—это послѣднее направленіе въ литературѣ выраженіемъ настроенія хотя бы нѣкоторой части нашего русскаго общества (а такихъ воззрѣній, можетъ быть, держатся и очень многіе): то разъясненіе основаній нашей православной церкви, по которымъ она считаетъ необходимымъ запретить въ кровномъ родствѣ браки именно до 4-й степени включительно, будетъ весьма своевременно“ (стр. 14—16).—Затѣмъ представленъ во введеніи планъ изслѣдованія и перечислены источники, которыми пользовался авторъ.

Въ изслѣдованіи вопроса авторъ всюду идетъ положительнымъ путемъ. Такъ, исходя изъ того положенія, что въ первый разъ опредѣленно и рѣшительно церковь высказалась противъ браковъ въ 4-й ст. родства на Трулльскомъ соборѣ, авторъ задается вопросомъ: почему именно въ это время она сочла нужнымъ сдѣлать такое постановленіе и не оказывается ли 54-е правило Трулльскаго собора въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ прежнимъ ея взглядомъ на этотъ предметъ?—Раскрытію этого вопроса и посвящены главы 1-я, 2-я и 3-я. Основываясь на словахъ кн. Левитъ гл. 18—20 (положенныхъ въ основаніи 54 прав. Трул. соб.), а также на церковныхъ правилахъ предшествовавшего времени, авторъ доказываетъ, что церковь и до Трулльскаго собора держалась того же самаго воззрѣнія на этотъ предметъ, но не находила лишь возможнымъ по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ возвести этого воззрѣнія въ рѣшительный законъ. Итакъ, это есть исконное воззрѣніе церкви, опирающееся на божественный законъ.

Глава 4-я посвящена авторомъ обзорѣнію отечественнаго законодательства по данному вопросу, отъ насажденія у насъ христіанства и до 1810 года, когда синодскимъ постановленіемъ былъ очерченъ кругъ степеней родства, возбраненныхъ для брака на точномъ соотвѣтствіи прав. 54-му Трулльскаго собора и кн. Левитъ.

Уже изъ этого краткаго обзорѣнія плана автора видно, что путь, избранный авторомъ къ рѣшенію даннаго вопроса, вполне цѣлесообразенъ и вопросъ получилъ вѣрное и основательное рѣшеніе.

Сочиненіе небольшое по объему (1—272 стр.) представ-

ляетъ собою стройное законченное цѣлое, содержащее основательное рѣшеніе вопроса. По тщательности внѣшней отдѣлки, по послѣдовательности изложенія и языку оно вполне безукоризненно. Признаю его вполне удовлетворительнымъ“.

25. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣльева о сочиненіи студента *Каверзнева Теодора*: „Исторія догматическаго ученія о таинствѣ священства“:

„Сочиненіе студента Теодора Каверзнева состоитъ, кромѣ введенія, изъ четырехъ главъ. Въ главѣ первой излагается ученіе о священствѣ Священнаго Писанія; во второй главѣ—ученіе мужей апостольскихъ; третья глава посвящена изложенію ученія Отцовъ и писателей церковныхъ второго и третьяго вѣка, а именно: Св. Иринея Лионскаго, Климента Александрійскаго, Оригена, Тертуллиана, Св. Кипріяна Карфагенскаго, а также ученія Апостольскихъ Правиль и Апостольскихъ Постановленій; четвертая, самая обширная, глава раскрываетъ ученіе Отцовъ и писателей церковныхъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ, а именно, изъ восточныхъ—Св. Григорія Богослова, Св. Григорія Нисскаго, Св. Василия Великаго, Св. Іоанна Златоустаго, Блаж. Теодорита, Св. Ефрема Сирина, Св. Епифанія Кипрскаго и твореній извѣстныхъ съ именемъ Св. Діонисія Ареопажита;—изъ западныхъ—Св. Амвросія Медиоланскаго, Блаж. Іеронима, Блаж. Августина, Св. Льва Великаго, Св. Григорія Двоеслова; въ этой же главѣ сообщаются свѣдѣнія о тѣхъ правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ таинству священства. Въ заключеніе говорится о дальнѣйшей судьбѣ догматическаго ученія о таинствѣ священства.

Сочиненіе написано при помощи лучшихъ пособій, напр. диссертациі проф. Катанскаго, и другихъ. Главныя достоинства его—достаточная полнота изложенія историко-догматическаго матеріала о таинствѣ священства, хорошая обработка матеріала, осуществленная при помощи пособій, законченность сочиненія, правильность и чистота языка. Сочиненіе г. Каверзнева православно. Авторъ сочиненія заслуживаетъ, чтобы ему была присуждена степень кандидата богословія“.

26. Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣт-

кова о сочиненіи студента *Казанскаго Николая*: „Очеркъ жизни и обзоръ писаній Дамаса, папы Римскаго:“

„Авторъ названнаго сочиненія даетъ, прежде всего, краткую характеристику состоянія церкви и, особенно, нравственнаго состоянія клира на Западѣ во второй половинѣ IV вѣка. Затѣмъ обзрѣваетъ жизнь Дамаса до его папства. Послѣ сего, описавъ обстоятельства, при которыхъ состоялось вступленіе Дамаса на епископскій престолъ въ Римѣ, изображаетъ его церковно-административную дѣятельность. Наконецъ, переходитъ къ обзору писаній Дамаса, имѣя въ виду собственно его стихотворныя эпитафіи.

Церковно-административная дѣятельность Дамаса, когда онъ былъ папою, и его отношенія къ Востоку, въ частности, отношенія къ Св. Василию Великому, представлены авторомъ вѣрно и, насколько позволяли скудные источники, полно. Менѣе удовлетворительно представлена дѣятельность Дамаса, собственно, какъ пастыря церкви. Авторъ, говоря о близости Блаж. Иеронима къ Дамасу, не упоминаетъ о томъ, что мысль о болѣе исправномъ переводѣ Новаго Завѣта на латинскій языкъ Блаж. Иерониму была внушена Дамасомъ, равно Дамасомъ же побуждаемъ былъ Блаж. Иеронимъ къ составленію сочиненія о Св. Духѣ. Онъ ничего не говоритъ о неудачной аппелляціи къ Дамасу присциллианъ послѣ ихъ осужденія соборомъ Сарагосскимъ, о чемъ ясно говоритъ Сульпицій Северъ (Chron. 11, 48); ничего не говоритъ о томъ, что именно чрезъ папу Дамаса Св. Амвросій Медиоланскій получилъ протестъ меньшинства Римскихъ сенаторовъ на петицію Симмаха къ императору Граціану относительно возстановленія въ Римскомъ сенатѣ алтаря Побѣды; ничего не говоритъ о заботахъ Дамаса относительно благоустройства мѣстъ погребенія мучениковъ и кладбищъ вообще. Пусть обо всемъ этомъ сохранились краткія извѣстія. Но все это важно; все это показываетъ, что Дамасъ былъ бдительный и энергичный пастырь.

Отдѣлу сочиненія, въ которомъ рѣчь идетъ о писаніяхъ Дамаса, не достаетъ надлежащей полноты. Авторъ даетъ въ этомъ отдѣлѣ эпитафіи Дамаса въ русскомъ переводѣ, предпославъ переводу краткій обзоръ ихъ. Надлежало дать возможно полную характеристику эпитафій, указать основанія для отдѣленія подлинныхъ эпитафій Дамаса отъ не-

подлинныхъ, систематизировать подлинныя эпитафїи, извлечь изъ нихъ черты, важныя въ церковно-историческомъ отношенїи, отмѣтить особенности языка эпитафїй.

Хотя сочиненію не достаетъ полноты, тѣмъ не менѣе авторомъ собранъ значительный матеріалъ о напѣ Дамасъ и обработанъ весьма тщательно. Переведены эпитафїи вѣрно, хотя иногда слишкомъ буквально. Изложеніе въ сочиненїи живое“.

27. И. д. доцента Павла Тихомирова о сочиненїи студента *Кобрина Михаила*: „День очищенїя въ Ветхомъ Завѣтѣ“:

„Предметъ своего изслѣдованїя, — день очищенїя, — г. Кобринъ разсматриваетъ только съ историко-археологической точки зрѣнїя и не касается догматической стороны взятаго имъ вопроса: онъ говоритъ о томъ, какъ праздновался день очищенїя, какъ совершались различныя его церемонїи, откуда онъ получилъ свое начало и какое имѣлъ значенїе для народа еврейскаго, но ничего не говоритъ о томъ, какъ возможно было очищенїе въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ силу чего Богъ прощалъ грѣхи народа и т. п. (стр. I—III). Такое ограниченїе задачи изслѣдованїя совершенно законно и умѣстно, потому что разсматривать общїя условїя отпущенїя Богомъ грѣховъ въ Ветхомъ Завѣтѣ можно было бы, только опираясь на тщательное изученїе не одного только дня очищенїя, а всего ветхозавѣтнаго культа и давъ, — въ качествѣ предпосылокъ, — рѣшенїе вопросовъ о природѣ грѣха, о характерѣ созданныхъ грѣхомъ отношенїй между Богомъ и человѣкомъ, объ отношенїи ветхозавѣтныхъ очищенїй и жертвъ къ Голгоетской жертвѣ и т. п. А все это вывело бы автора очень далеко за предѣлы данной ему темы.

О днѣ очищенїя существуетъ очень обширная и доселѣ все возрастающая литература. Задачей автора было критически разобратъ въ этой литературѣ и дать сильное положительное рѣшенїе всѣхъ возникающихъ здѣсь для научной любознательности вопросовъ. Эту задачу онъ и выполняетъ въ своемъ довольно обширномъ изслѣдованїи (572 страницы). — Сочиненїе г. Кобрина, кромѣ введенїя (стр. I—VIII), состоитъ изъ трехъ главъ. Первая глава (стр. 1—106) посвящена разбору возраженїй отрицательной кри-

тики противъ единства и подлинности 16-й главы книги Левить, содержащей законъ о днѣ очищенія. Вторая глава (стр. 107—387) содержитъ изложеніе и изъясненіе постановленій Моисея относительно дня очищенія, — критико-археологическій комментарий на 16 гл. книги Левить. Къ этой главѣ авторъ даетъ приложение (стр. 388—471), содержащее объясненіе слова „азазель“, —наиболѣе интересный въ научномъ смыслѣ отдѣлъ сочиненія. Въ третьей главѣ (стр. 472—572) опредѣляется происхожденіе и значеніе дня очищенія.

Источниками для автора служили: каноническія и неканоническія книги Ветхаго Заветъа, а также и новозавѣтныя священныя книги; сочиненія Іосифа Флавія и Филона; талмудическая и раввинская литература (Мишна, Гемара, нѣкоторые Мидраши); сочиненія Геродота и Плутарха. Пособіями же ему были старыя и новыя труды по археологіи, исагогикѣ и экзегетикѣ на латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и отчасти французскомъ языкахъ (стр. IV—VIII и примѣчанія въ текстѣ).

Достоинства сочиненія составляютъ: обстоятельное и основательное изученіе источниковъ и пособій; серьезность и сила критическаго таланта; осторожность и солидность положительныхъ выводовъ; наконецъ, значительная самостоятельность работы, — авторъ не находится въ рабскомъ подчиненіи своимъ источникамъ и пособіямъ.

Недостатки сочиненія—болшею частію формальнаго свойства: во введеніи не указана потребность предпринимаемаго изслѣдованія, не мотивированы его планъ и методъ; въ самомъ изслѣдованіи иногда ощущается недостатокъ рубрикъ и раздѣленій, облегчающихъ чтеніе сочиненія; приложение ко второй главѣ слѣдовало бы сдѣлать самостоятельной главой и помѣстить ранѣе теперешней II-ой главы; цитация коегдѣ нуждается въ исправленіяхъ и усовершенствованіяхъ. Кромѣ того, нѣкоторыя филологическія операціи автора надъ еврейскимъ текстомъ далеко не отличаются характеромъ безспорной убѣдительности. Затѣмъ также въ упрекъ г. Кобрину надо поставить и то, что онъ не изслѣдовалъ IX главы посланія къ Евреямъ, имѣющей отношеніе къ его предмету.

Въ общемъ, я считаю долгомъ сказать, что сочиненіе

г. Кобриня представляетъ изъ себя солидный и вполне научный трудъ. Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ. По направленію своему сочиненіе г. Кобриня совершенно безупречно, ибо ничего противнаго интересамъ православія не содержитъ“.

28. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевского о сочиненіи студента *Колтыгина Леониды*: „Слѣды церковнаго вліянія въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ русскаго народа“:

„Не признавая возможности сильнаго вліянія церкви на уголовное и государственное право, авторъ находитъ благоприятныя для такого вліянія условія въ правѣ гражданскомъ, особенно семейномъ. Этою частью гражданскаго права авторъ и ограничивается въ своемъ трудѣ, поставивъ себѣ задачей прослѣдить преобразование семейныхъ отношеній подъ вліяніемъ церкви. Соотвѣтственно главнѣйшимъ моментамъ существованія семейнаго союза сочиненіе раздѣлено на три главы: 1) о брачномъ союзѣ, 2) о союзѣ родителей и дѣтей и 3) о наслѣдствѣ. Въ основу своей работы авторъ положилъ труды по обычному праву русскаго народа Пахмана, Якушкина, Коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, изслѣдованія (о семейныхъ отношеніяхъ) Шпилевскаго, Смирнова, Еюименки и мн. др. Вообще авторъ основательно и довольно полно изучилъ источники и литературу своего предмета и обнаружилъ умѣнье наблюдать явленія народнаго быта, группировать и отчетливо разбирать юридическія и нравственныя отношенія и излагать свои мысли ясно и просто. Поэтому его обширное сочиненіе (болѣе 60 письменныхъ листовъ четкаго письма) можетъ быть признано весьма хорошимъ“.

29. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевского о сочиненіи студента *Кречетовича Иосифа*: „Подготовка воссоединенія русскихъ униатовъ съ Церковью все-россійской (въ 1839 г.)“:

„Въ четырехъ главахъ своего обширнаго труда авторъ излагаетъ подготовлявшія воссоединеніе „вліянія политическія, церковныя и національныя“ и потомъ рассказываетъ самый ходъ воссоединенія въ царствованіе императора Николая I. На 13 страницахъ введенія онъ перечисляетъ источники и пособія, которыми пользовался, и сочиненіе

его показываетъ, что онъ изучилъ тѣ и другія очень внимательно. Можно подивиться, какъ онъ успѣлъ въ такое короткое время прочитать такъ много. Сочиненіе написано обдуманно, просто и живо, съ большою любовью къ предмету, но по мѣстамъ нѣсколько словообильно. Жаль только, что онъ не сдѣлалъ достаточно отчетливаго разбора уніи съ догматической и канонической стороны, хотя и подходилъ близко къ этому предмету во второй главѣ своего труда. Не смотря на этотъ пробѣлъ, сочиненіе І. Кречетовича можно признать весьма хорошимъ“.

30. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Ласточкина Онисифора*: „О проповѣди для простого народа“:

„Довольно обширное (1—392) сочиненіе О. Ласточкина раскрываетъ данную тему въ такой послѣдовательности.

Сочиненіе начинается указаніемъ источниковъ для исторіи русскаго проповѣдничества (1—4), затѣмъ въ гл. 1-й (5—92) дѣлается обстоятельный историческій обзоръ народной проповѣди въ Россіи, изъ коего открывается, что задача и способъ народной проповѣди поняты и примѣнены къ дѣлу лишь только въ послѣдній періодъ ея исторіи, совпадающій со временемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда правительство церковное и свѣтское обратили усиленное вниманіе на просвѣщеніе нашего простого народа. Опираясь на существующіе образцы современной народной проповѣди (изданные въ видѣ сборниковъ проповѣдей) и на повсюдное ревностное отношеніе пастырей къ дѣлу просвѣщенія простого народа, авторъ восторженно отзывается объ этомъ отрадномъ явленіи современной церковной жизни и ставитъ дальнѣйшею задачею своей работы оправдать теоретически-систематически характеръ современной народной проповѣди, который она приняла совершенно естественнымъ, практическимъ путемъ, явившись результатомъ благочестивой ревности пастырей къ исполненію своего долга и вѣрнаго пониманія ими религіозныхъ потребностей простого народа. Слѣдующая (2-я) глава и представляетъ эту теорію народной проповѣди.

Она раздѣляется прежде всего на два отдѣленія. Первое изслѣдуетъ вопросъ: какимъ требованіямъ удовлетворяя, проповѣдь съ церковной каѳедры будетъ проповѣдью для

простого народа? Второе изслѣдуетъ вопросъ: что нужно дѣлать пастырю какъ проповѣднику, чтобы быть народнымъ учителемъ?

Затѣмъ, уже безъ подраздѣленія на главы или отдѣленія, идетъ рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ подъ отдѣльными рубриками: что проповѣдникъ долженъ запретить и что обличить въ народѣ? Какую форму доказательствъ долженъ употреблять народный проповѣдникъ? Какимъ языкомъ должна быть излагаема народная проповѣдь?

Какъ видно уже изъ этого указанія отдѣльныхъ частей сочиненія, оно не отличается внѣшнею стройностію и правильностію въ разчлененіи цѣлаго содержанія. То же должно сказать и о языкѣ сочиненія. По мѣстамъ онъ допускаетъ шероховатя въ стилистическомъ отношеніи сочетанія словъ и предложений. Видно вообще, что авторъ мало заботился о внѣшней обработкѣ сочиненія, не придавая, повидимому, ей важнаго значенія.

Почитая своимъ долгомъ указать однако же на этотъ недостатокъ сочиненія, рецензентъ долженъ признать съ другой стороны, что самое содержаніе сочиненія такъ богато мыслями, проникнуто такимъ сердечнымъ и благоговѣйнымъ настроеніемъ автора и его любовію къ дѣлу проповѣданія Слова Божія, что указанный внѣшній недостатокъ совершенно забывается при чтеніи сочиненія и читатель съ живымъ неослабляющимся интересомъ переходитъ отъ одного отдѣленія къ другому.

Особенно выдающеюся чертою сочиненія является обширная начитанность автора какъ въ святоотеческой проповѣднической литературѣ, такъ и въ современной.

Признаю сочиненіе О. Ласточкина вполне удовлетворительнымъ для соисканія ученой степени кандидата богословія“.

31. П. д. доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Литкевича Алексѣя*: „Нравственное ученіе преп. Нила Синайскаго“:

„Во введеніи авторъ говоритъ въ краткихъ чертахъ о личности преп. Нила Синайскаго, его трудахъ и значеніи въ церковной литературѣ. Въ первой главѣ излагается ученіе св. Нила о сущности добра и зла, объ отношеніи благодати Божіей и человѣческой свободы. Во второй главѣ

раскрывается ученіе преп. Нила о покаяніи и борьбѣ со страстями и демонами, возбуждающими ихъ. Въ заключеніи сдѣлано нѣсколько общихъ замѣчаній касательно ученія св. Нила о добродѣтеляхъ.

Коренной недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что предметъ его разработанъ довольно поверхностно. Ученіе преп. Нила излагается въ немъ въ чертахъ слишкомъ общихъ. Отчасти это объясняется незнакомствомъ автора съ теоріей нравственности и отсутствіемъ начитанности въ аскетической литературѣ. Мало знакомый съ философіей нравственности, авторъ часто не видитъ тѣхъ вопросовъ, которые можетъ возбуждать чтеніе твореній св. Нила и которые требуютъ разъясненія. Мало начитанный въ твореніяхъ другихъ христіанскихъ подвижниковъ, онъ не въ состояніи былъ замѣтить отличительныхъ особенностей въ ученіи писателя, которымъ онъ занимался. Этимъ, между прочимъ, объясняется краткость, съ какою авторъ излагаетъ ученіе преп. Нила о добродѣтеляхъ. Помѣщая это изложеніе въ заключеніи, онъ увѣряетъ, что ученію преп. Нила о добродѣтели ничѣмъ не отличается отъ ученія другихъ подвижниковъ о томъ же предметѣ. Конечно, если взять это ученіе въ общихъ чертахъ, то утвержденіе это, пожалуй, и будетъ вѣрно. Но здѣсь слѣдовало бы обратить вниманіе на частности и подробности, и тогда особенности въ ученіи преп. Нила были бы ясны.

Но и при указанныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Литкевича можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія. Авторъ его въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ сочиненіями преп. Нила, изучилъ ихъ не только въ переводѣ, но и въ подлинникѣ. Ученіе св. Нила изложено имъ правильно, въ стройной системѣ, языкомъ чистымъ и яснымъ. Со стороны направленія сочиненіе не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній“.

32. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Миловидова Виктора*: „Посланіе Святаго Апостола Варнавы“:

„Въ концѣ введенія (3—21 стр.), предметомъ котораго служить „литература посланія Св. Апостола Варнавы, его изданія и переводы“, самъ г. Миловидовъ говоритъ, что его сочиненіе „будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Св.

Ап. Варнава, его жизнь и дѣятельность (22—70); 2) Историческія обстоятельства и условія происхожденія посланія Св. Ап. Варнавы и судьба его (71—119); 3) Рѣшеніе вопроса о подлинности этого посланія (120—180) и 4) Содержаніе, форма и языкъ посланія (181—216 стр.)“. Такимъ образомъ посланіе мужа апостольскаго, довольно большое по объему (21 глава), весьма обильное цитатами изъ Св. Писанія, образами изъ Ветхаго Завѣта и изъ области мысли современнаго писателю іудейства, а равно другими особенностями языка и изложенія, весьма важными для филологическаго изслѣдованія, таковому изслѣдованію почти совсѣмъ не подвергнуто у г. Миловидова, ограничившагося, какъ очевидно изъ представленнаго имъ самимъ очерка содержанія его труда, лишь біографическимъ и библиологическимъ изслѣдованіемъ о Св. Ап. Варнавѣ и его посланіи. Даже въ послѣднемъ (4-мъ) отдѣлѣ труда автора мы видимъ болѣе изложеніе и разборъ мнѣній разныхъ новѣйшихъ ученыхъ о томъ, какъ дѣлится содержаніе посланія, нѣтъ ли въ немъ интерполяцій и др., нежели филологическій разборъ самаго посланія, который можно усматривать лишь на стр. 200—216, не смотря на то, что самъ авторъ на стран. 200 говоритъ: „по вопросу о языкѣ посланія Св. Ап. Варнавы есть подробнѣйшее и основательнѣйшее изслѣдованіе профессора Базельскаго Университета, доктора философіи и богословія, I. Müller'a: Erklärung des Barnabas—briefes“. А между тѣмъ и это изслѣдованіе осталось почти безъ всякаго употребленія у г. Миловидова, писавшаго сочиненіе свое по предмету греческаго языка и словесности, а не по предмету патристики. Кромѣ того, въ сочиненіи его встрѣчаются по мѣстамъ слишкомъ рѣзкія (стр. 105, 106, 143, 144, 173, 204, 208) или невѣрные (стр. 84, 90) сужденія, противорѣчія (стр. 82, 129) и другіе недостатки.

Но помимо этихъ недостатковъ, рассматриваемое сочиненіе обладаетъ и крупными, несомнѣнными достоинствами. Подъ руками автора была обширная литература предмета, которою онъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался, чтобы въ небольшомъ сравнительно изслѣдованіи своемъ сдѣлать изъ нея подборъ самаго существеннаго и немногаго и выработать самостоятельный взглядъ на предметъ, а не рабски

слѣдовать взглядамъ другихъ ученыхъ (для чего см. напр. стр. 33). При этомъ авторъ очень заботился и о соразмѣрности отдѣловъ своего изслѣдованія, о чемъ самъ не разъ замѣчаетъ (стр. 29 примѣч. и 83). Ясность плана изслѣдованія, стройность послѣдняго, живость изложенія, твердость убѣжденія и другія достоинства даютъ автору полное право на присужденіе ему степени кандидата богословія“.

33. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Минкевича Ивана*: „Значеніе монашества для русской церкви и общества въ кievскій періодъ“:

„Сочиненіе содержитъ двѣ главы, подраздѣленныя на отдѣлы: I гл. Значеніе монашества для русской церкви въ исторіи распространенія христіанства, въ церковномъ управленіи, въ исторіи духовнаго просвѣщенія и богослуженія. II гл. Значеніе монашества для общества: въ исторіи семьи, несвободнаго класса общества, въ церковной благотворительности и наконецъ въ исторіи общественныхъ правовъ.—Сочиненіе г. Минкевича имѣетъ существенные недостатки. Матеріаль, по которому онъ долженъ былъ работать, далеко не изученъ. Изучивъ Печерскій патерикъ и лѣтописныя данныя, онъ не прочиталъ въ подлинникѣ словъ объ иночествѣ Кирилла Туровскаго, вопрошаній новгородскаго іеромонаха-духовника Кирика, — памятниковъ, ему необходимыхъ, и пользуется ими въ неполныхъ переложеніяхъ изъ исторіи преосв. Макарія. Замѣчается некритическое отношеніе къ источникамъ. Пособія, служившія автору при составленіи сочиненія и указанныя имъ самимъ, прочитаны не такъ внимательно. Тему свою авторъ расширилъ совершенно произвольно. Подъ монашествомъ онъ разумѣетъ не только монастырскихъ монаховъ, но и митрополитовъ и епископовъ, монаховъ по сану. Поэтому ему приходится говорить гораздо болѣе о церковно-общественной дѣятельности высшей древне-русской іерархіи, чѣмъ о значеніи собственно монашества, такъ какъ матеріала по первому вопросу гораздо болѣе, чѣмъ по второму. Такъ сочиненіе является написаннымъ въ значительной степени не на тему. Нѣкоторые отдѣлы страдаютъ неполнотой. Манера писать у автора довольно странная. У него много разсужденій довольно произвольныхъ по поводу историческихъ событій, заимствованныхъ (разсужденій) иногда изъ

областей знанія совершенно неподходящихъ. Напр., въ самомъ началѣ своего сочиненія, говоря объ особенной выразительности слова „ипокъ“, авторъ припоминаетъ имена животныхъ, нареченныя Адамомъ, которыя были плодомъ вдумчиваго анализа природныхъ свойствъ каждаго изъ нихъ, — при этомъ ссылка на латинскій комментарий. Разсуждая относительно чтенія книгъ въ древне-русскихъ монастыряхъ, онъ по контрасту припоминаетъ гоголевскаго Петрушку и дѣлаетъ подлинную выписку изъ „Мертвыхъ душъ“. Иногда свои разсужденія авторъ излагаетъ въ формѣ напыщенныхъ монологовъ историческихъ лицъ.

Указанные недостатки отчасти извиняются тѣмъ, что авторъ все-таки потрудился при рѣшеніи вопроса, хотя и понялъ его довольно свособразно. Нѣкоторые отдѣлы сочиненія отличаются полнотой, богатствомъ матеріала и самостоятельностью (напр. о монастырской благотворительности). Видно наконецъ, что авторъ полюбилъ предметъ своей работы и о значеніи монашества говоритъ съ признательностью и благодарностію.

Поэтому считаемъ возможнымъ признать сочиненіе г. Минкевича заслуживающимъ степень кандидата богословія“.

34. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Москвина Александра*: „Государственное положеніе и внутренняя жизнь раскола въ царствованіе Петра Великаго“:

„Время царствованія Петра Великаго составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ наиболѣе знаменательныхъ эпохъ въ исторіи русскаго раскола. Стремленіе къ всесторонней передѣлкѣ русской жизни по западно-европескому образцу, выразившееся въ реформахъ этого царствованія, вызвало цѣлый рядъ весьма важныхъ послѣдствій во внутренней жизни раскола, отразившись какъ на его доктринѣ, такъ и на его бытовой сторонѣ и измѣнивши отчасти самый характеръ раскольническаго протеста, который съ этого времени перестаетъ быть явленіемъ исключительно церковно-религіознымъ и осложняется мотивами иного порядка. Съ другой стороны, законодательными постановленіями, изданными въ это царствованіе, было впервые сполна опредѣлено государственное положеніе раскола и различныя права его послѣдователей въ жизни частной и общественной, при

чемъ во взглядахъ правительства на расколъ и раскольниковъ во вторую половину царствованія замѣчается рѣзкій, но не совсѣмъ понятный на первый взглядъ, поворотъ въ сторону бѣльшей суровости и нетерпимости. Изученіе этихъ перемѣнъ во внутренней жизни раскола и въ его государственно-правовомъ положеніи, происшедшихъ въ указанную эпоху, и составило предметъ разсматриваемаго сочиненія, при чемъ авторъ сперва (въ трехъ главахъ первой части) излагаетъ законодательныя и административныя постановленія о расколѣ и раскольникахъ и тѣ факты, въ которыхъ выразилось отношеніе правительства къ расколу, а затѣмъ (въ дальнѣйшихъ четырехъ главахъ второй части) изображаетъ внутреннюю жизнь раскола, — перемѣны въ его ученіи и бытѣ, происшедшія въ царствованіе Петра I. Для выполненія своей задачи авторъ внимательно ознакомился съ существующею печатною литературою источниковъ и пособій, относящихся къ предмету его изслѣдованія, и извлеченныя изъ нихъ свѣдѣнія изложилъ по хорошо составленному плану, обстоятельно, отчетливо и полно. При этомъ чувствуется на всемъ пространствѣ сочиненія, что авторъ говоритъ не съ чужого голоса, повторяя готовые мнѣнія своихъ литературныхъ предшественниковъ, а излагаетъ результаты собственныхъ изысканій или, по крайней мѣрѣ, самостоятельной и серьезной провѣрки чужихъ. Изложеніе мыслей, въ общемъ, правильное, по мѣстамъ яркое и живое, хотя и не чуждое недостатковъ. Въ качествѣ такихъ можно отмѣтить здѣсь рѣзкость нѣкоторыхъ сужденій автора (напр. относительно мѣрѣ противъ раскола, примѣнявшихся въ разсматриваемое время), а также встрѣчающіеся кое-гдѣ не совсѣмъ правильные обороты рѣчи и выраженія не вполне литературныя. Но подобные недостатки почти неизбежны при срочности труда, въ особенности — такого обширнаго, какъ настоящій (542 стр. не крупнаго и плотнаго почерка). — Признаю сочиненіе г. Москвина очень хорошимъ, а его самого вполне достойнымъ искомой степени“.

35. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Некрасова Сергѣя*: „Церковная благотворительность въ древней Руси“:

„Свое сочиненіе авторъ дѣлитъ на три части. Въ пер-

вой излагается исторія церковной благотворительности въ домонгольскій періодъ, во второй—въ періодъ времени съ XIII до XVI в., въ третьей—исторія благотворительности въ XVI и XVII вв. Хронологическій принципъ дѣленія авторъ оправдываетъ двумя соображеніями: измѣненіемъ въ разныя историческія эпохи нравственныхъ понятій и убѣжденій народа, вліявшихъ на характеръ благотворительной дѣятельности церкви, а также измѣненіемъ условій внѣшней среды, вліявшихъ на общественную нравственность въ цѣломъ и въ частности на дѣло благотворительности. Но такой порядокъ изложенія важенъ ближайшимъ образомъ и въ томъ отношеніи, что перемѣны соціальныхъ условій русской жизни въ разные періоды ея исторіи способствовали перемѣнамъ въ составѣ класса бѣдняковъ, а отсюда измѣнялись формы и организація благотворительной дѣятельности церкви. Авторъ не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Вотъ почему его разсужденія о благотворительности церкви въ домонгольскій періодъ висятъ, такъ сказать, въ безвоздушномъ пространствѣ. Почему, напр., такъ разнообразенъ составъ богадѣльныхъ церковныхъ людей въ первый періодъ христіанской исторіи Руси, авторъ не рѣшаетъ и даже не ставитъ вопроса. Вторая часть сочиненія обнаруживаетъ невыдержанность хронологическаго принципа. Въ I гл. авторъ обсуждаетъ причины бѣдности русскаго населенія въ періодъ монгольскій, указываетъ на бѣдствія монгольскаго ига и на соціальное неравенство. Между тѣмъ эта послѣдняя причина съ бѣльшимъ правомъ должна быть относима къ исторіи домонгольской Руси. Относительно особеннаго развитія благотворительности монастырей въ этотъ періодъ авторъ утверждаетъ правильно. Но II главу о благотворительной дѣятельности братствъ было бы умѣстнѣе перенести въ слѣдующій періодъ XVI—XVII вв., когда эта дѣятельность ихъ получила особенное развитіе. Повидимому, въ распоряженіи автора было мало матеріала касательно благотворительности въ періодъ монгольскій, почему онъ и пользуется данными изъ предыдущаго и послѣдующаго времени.—Третья часть сочиненія содержитъ разсужденіе о воззрѣніяхъ московскаго времени на благотворительность и объ участіи въ ней государства. Въ качествѣ добавленія введена глава относительно благотвори-

тельности русскихъ царей православному востоку. -- Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ выводъ въ качествѣ историческаго урока, что самый нормальный видъ благотворительности есть благотворительность приходская. —

Въ вину автору можно поставить то, что свои матеріалы онъ получалъ иногда изъ вторыхъ рукъ, не стараясь провѣрить, и что матеріалъ, по которому онъ рѣшаетъ вопросъ, могъ бы быть обильнѣе.

При всемъ томъ сочиненіе обладаетъ положительными достоинствами. Ходъ нравственнаго развитія русскаго общества описанъ вѣрно и тонко, отношеніе разныхъ моментовъ этого развитія въ церковной благотворительности подмѣчено правильно. Пѣкоторые отдѣлы написаны полно и со стороны матеріала, напр. о монастырской благотворительности, о милостынѣ русскихъ царей и царицъ. Слогъ сочиненія хорошій. —

Въ виду этого трудъ г. Некрасова мы признаемъ вполне заслуживающимъ степень кандидата богословія“.

36. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Николина Николая*: „Исторія символовъ Никейскаго и Константинопольскаго“:

„Вопросъ, избранный г. Николинымъ для своего сочиненія, относится къ тому отдѣлу церковно-исторической науки, который при современномъ ея состояніи оказывается мало разработаннымъ и въ своемъ существѣ заключаетъ очень значительныя трудности для всесторонняго изученія. Не смотря на высокое значеніе символическихъ памятниковъ древней церкви, какъ официальныхъ показателей ея вѣроученія, детальное изслѣдованіе этого рода документовъ начато въ наукѣ сравнительно недавно и все еще пока находится на начальной, литературно-критической, стадіи своего развитія. Ученые собираютъ символы, возстановляютъ ихъ текстъ, опредѣляютъ время происхожденія и группируютъ ихъ по извѣстнымъ классамъ, но еще не вводятъ ихъ въ тѣсную связь съ другими сторонами церковной жизни и не даютъ послѣдовательной, научно удовлетворительной картины символьнаго творчества и символьной практики древней церкви. Тоже самое нужно сказать, въ частности, и относительно вселенскихъ символовъ Никейскаго и Константинопольскаго. Специальныхъ изслѣдованій,

касающихся той или другой стороны этихъ символовъ, въ наукѣ скопилось достаточно, но исторіи ихъ, заслуживающей этого имени, пока еще нѣтъ.

Въ западной ученой литературѣ наиболѣе, повидимому, посчастливилось символу Константинопольскому; вопросамъ о его происхожденіи и судьбахъ въ церкви занимались тамъ многіе, но въ какомъ направленіи велись эти занятія и къ какимъ результатамъ они приводили, это всего лучше можно видѣть на примѣрѣ Винчензи, отнесшаго происхожденіе Константинопольскаго символа къ VIII в., или на примѣрѣ Гарнака, отрицающаго принадлежность его второму вселенскому собору и объясняющаго появленіе его на Халкидонскомъ соборѣ совершенно случайными причинами.

Въ виду такого состоянія научныхъ изслѣдованій о символическихъ памятникахъ древней церкви г. Николину предстояла задача: 1) тщательно пересмотрѣть всѣ имѣющіяся въ наукѣ работы по части символовъ и, выдѣливъ изъ нихъ все относящееся къ его предмету, еще разъ провѣрить это выдѣленное по источникамъ; 2) критически изслѣдовать существующія въ ученой литературѣ воззрѣнія на происхожденіе символовъ Никейскаго и Константинопольскаго и исправить и пополнить ихъ своими наблюденіями посредствомъ изученія церковной письменности IV и V вв.; 3) на этомъ основаніи создать съ своей стороны опытъ исторіи названныхъ символовъ, поставивъ ихъ въ связь съ догматическими теченіями современной ихъ происхожденію и утвержденію въ церкви эпохи.

Эта разносторонняя и сложная задача выполнена г. Николинымъ весьма хорошимъ образомъ. Поставивъ предѣльнымъ хронологическимъ пунктомъ своего изслѣдованія соборъ Халкидонскій, на которомъ символъ Константинопольскій официально былъ признанъ вселенскимъ и затѣмъ сталъ вытѣснять изъ практики Никейское вѣроизложеніе, Николинъ, прежде всего, широко изучилъ патристическую литературу за избранный имъ періодъ времени. Онъ прочелъ въ русскомъ переводѣ цѣлый рядъ святоотеческихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ его задачѣ, и значительное число ихъ пересмотрѣлъ въ подлинникѣ. Цитация святоотеческихъ твореній идетъ по всему его сочиненію и всегда оказывается отвѣчающей своей цѣли. Надо, при

этомъ, замѣтить, что въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ сочиненію Николина, цитация еще не выражаетъ собою объема всего прочитаннаго авторомъ. Иногда изъ массы произведеній извѣстнаго церковнаго писателя для цѣлей автора оказывается пригодной всего одна—двѣ строчки, но чтобы извлечь ихъ, для этого нужно было прочитать цѣлый томъ. Широкое знакомство Николина съ памятниками святоотеческой письменности сообщило его сочиненію твердую, научную почву и дало ему возможность самостоятельно разбраться даже въ такихъ запутанныхъ вопросахъ, какъ напр. вопросъ о первомъ символѣ Елифанія, помѣщенномъ въ его Анкоратѣ (см. стр. 400 и слѣд.).

Полнаго одобренія заслуживаетъ, далѣе, и тотъ способъ, какимъ Николинъ пользуется наиболѣе важными для него пособіями, именно существующими въ наукѣ изслѣдованіями о символахъ. Для малоопытнаго автора здѣсь предстояла опасность увлечься частностями, мелочными сопоставленіями и сравненіями символическихъ текстовъ, вопросами о времени ихъ происхожденіи и т. д. Съ Николинымъ этого не случилось; его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ по мѣстамъ пишетъ догматически, обще, не подтверждая обстоятельно высказываемыя имъ положенія, или не иллюстрируя ихъ конкретными примѣрами. Въ частности, обсуждая крайнія воззрѣнія и выводы другихъ ученыхъ, онъ не вдается въ мелочную и придирчивую полемику съ ними; въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда на первый планъ выдвигаетъ то, что имѣетъ цѣну въ данномъ воззрѣніи, если освободить его отъ крайнихъ наслоеній. Эта черта придала сочиненію Николина положительный характеръ.

Совершенно правильно понимая символъ, не просто какъ мертвый документъ данной эпохи, но какъ показатель и отраженіе живыхъ догматическихъ теченій ея, авторъ всюду ставитъ исторію символовъ въ тѣснѣйшую связь съ общими историческими движеніями, главнымъ образомъ, въ области богословской мысли и очерчиваетъ эти движенія съ ихъ существенныхъ сторонъ. И для этой цѣли онъ перечталь довольно внушительный рядъ изслѣдованій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ, списокъ которыхъ у него помѣщенъ на стр. 10—15. Ссылаясь въ подтвержденіе своихъ положеній на то или другое изслѣдованіе, онъ ука-

зываетъ не на первую попавшуюся подъ руки книгу, а пользуется такими сочиненіями, которыя дѣйствительно обладаютъ авторитетомъ въ своей области, не теряя при этомъ изъ виду и критической точки зрѣнія.

По содержанію сочиненіе Николлина распадается на три главы съ краткимъ введеніемъ и заключеніемъ. Въ введеніи (1—15) онъ дѣлаетъ оцѣнку современнаго положенія въ наукѣ вопроса о символахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ, опредѣляетъ задачи и предѣлы своей работы и подробно указываетъ свои источники и пособія. Въ первой главѣ (16—243) изслѣдуется происхожденіе символа Никейскаго на первомъ вселенскомъ соборѣ, опредѣляется его составъ и подробно анализируется его терминологія въ связи съ задачами и дѣятельностью собора; затѣмъ, въ сильной, воодушевленной рѣчи обрисовывается историческое значеніе этого перваго вселенскаго символа. Вторая глава (272—434) слѣдитъ за судьбами символа Никейскаго въ ближайшее послѣ Никейскаго собора время и отношеніемъ къ нему различныхъ догматическихъ партій,—показываетъ постепенное торжество его и вліяніе на символическое творчество и практику. Третья глава (434—655) занимается символомъ Константинопольскимъ; здѣсь разсматриваются разныя теоріи касательно его происхожденія, излагается исторія собора и дается догматическій анализъ символа въ связи съ догматикой отцовъ послѣ—Никейскаго періода; заканчивается эта глава изложеніемъ исторіи Никейскаго и Константинопольскаго символовъ до Халкидонскаго собора. Заключеніе сочиненія (656—675) предлагаетъ краткую исторію символа Константинопольскаго послѣ Халкидонскаго собора до времени признанія его на Востокѣ и Западѣ въ качествѣ общеобязательнаго вселенскаго вѣроизложенія.

При разнообразіи содержанія и большомъ объемѣ сочиненія (ок. 730 стр.), естественно, что г. Николину не удалось избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которые объясняются спѣшностью работы или имѣютъ маловажное значеніе, мы укажемъ только на болѣе общіе и существенныя. Такихъ, болѣе существенныхъ, недосмотровъ замѣчено нами не много. Такъ, въ главѣ второй, занимающей центральное положеніе во всемъ

сочиненіи, авторъ его подробно слѣдитъ за развитіемъ символической практики арианъ, отмѣчаетъ ее постепенное сближеніе съ Никейскимъ вѣроученіемъ по содержанію и формѣ и, затѣмъ, переходитъ къ вопросу о вліяніи Никейскаго символа на помѣстные символы православныхъ церквей, но при этомъ онъ совершенно опускаетъ изъ вниманія другое, христологическое движеніе въ церкви, начавшееся съ 60 г. IV в. и развившееся на почвѣ Никейскаго собора, которое ознаменовало себя крупнымъ символическимъ творчествомъ; символы, вышедшіе изъ христологическихъ кружковъ, Николинъ оставилъ безъ разсмотрѣнія, между тѣмъ какъ они для его цѣли очень важны. Затѣмъ, сужденія, изложенныя на стр. 27—49, требовали бы болѣе твердаго обоснованія посредствомъ аналогичныхъ примѣровъ изъ предшествующей Никейскому собору практики. Съ другой стороны, нѣкоторые частные вопросы можно было бы обсудить гораздо короче, чѣмъ это дѣлаетъ Николинъ; такъ, напр., вопросъ о причинахъ удаленія Св. Григорія Богослова съ засѣданій второго вселенскаго собора (467—481), или вопросъ объ отношеніи Афанасія къ символу Никейскому (496—508). Наоборотъ, конецъ сочиненія нуждается въ болѣе подробномъ развитіи.

Взятое въ цѣломъ, сочиненіе г. Николина производитъ впечатлѣніе серьезнаго и талантливаго труда и потому не только вполне достаточно для той цѣли, для какой оно написано, но и заслуживаетъ особаго вниманія къ его автору со стороны Совѣта академіи“.

37. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Никольскаго Владимира*: „Теоріи нѣмецкихъ юристовъ и канонистовъ XVIII в. и ихъ вліяніе на законодательство Петра Великаго по дѣламъ вѣры“:

„Сочиненіе Вл. Никольскаго раздѣляется на двѣ части съ подраздѣленіемъ каждой на главы. Въ первой части представляется весьма обстоятельный, хотя и довольно сжатый очеркъ различныхъ юридическихъ теорій, опредѣляющихъ отношеніе государственной власти къ дѣламъ вѣры, возникшихъ подъ вліяніемъ лютеранства и протестантства. Во второй части изображается главнѣйшая законодательная дѣятельность Петра Великаго по церковнымъ дѣламъ и въ особенности по устройству церковнаго управленія въ учреж-

деинъ Свягѣйшаго Синода и по мѣропріятіямъ, клонившимся къ поднятію пастырскаго просвѣтительнаго значенія духовенства. Съ особенною подробностію авторъ останавливается на предначертаніяхъ регламента относительно устройства духовно-учебныхъ заведеній. Въ послѣдней (V-й) главѣ второй части авторъ въ довольно общихъ чертахъ изображаетъ вліяніе на законодательную дѣятельность Петра нѣмецкихъ теорій, представленныхъ въ первой части.

Сочиненіе представляетъ собою законченное цѣлое, дающее опредѣленный отвѣтъ на вопросъ темы — отвѣтъ вѣрный.

Къ достоинствамъ сочиненія должна быть отнесена значительная начитанность автора въ иностранной (нѣмецкой) и русской исторической литературѣ, занимающейся царствованіемъ Петра Великаго и проливающей достаточно свѣта на уясненіе законодательной дѣятельности послѣдняго. Къ достоинствамъ сочиненія должны быть отнесены, далѣе, достаточная продуманность, ясность и сжатость изложенія изученнаго матеріала, а также правильный, чистый языкъ. Сверхъ того, къ достоинствамъ сочиненія должны быть отнесены спокойствіе, серьезность и умѣренность въ сужденіяхъ автора.

Тѣмъ не менѣе совершенно безукоризненнымъ пріять ствуютъ признать сочиненіе автора слѣдующіе недостатки: во первыхъ, нѣкоторая неполнота въ изслѣдованіи даннаго предмета: авторъ не обратилъ вниманія на законодательство Петра касательно смѣшанныхъ браковъ, а также недостаточно обозрѣлъ отношеніе Петра къ иновѣрцамъ и раскольникамъ; между тѣмъ это законодательство довольно характерно и не менѣе отображаетъ въ себѣ вліяніе западно-европейскихъ политическихъ воззрѣній, чѣмъ законодательство Петра по церковному управленію. — Затѣмъ, — въ расположеніи отдѣльныхъ главъ авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы во 2-й части послѣднюю главу поставилъ въ началѣ второй части: тогда между обѣими частями было бы болѣе внѣшней стройности и связности.

Принимая во вниманіе указанныя достоинства и недостатки, признаю автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

38. Отца ректора академіи архимандрита Лаврентія о

сочиненіи студента *Орловскаго Ивана*: „Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“:

„Сочиненіе студента Ивана Орловскаго подъ заглавіемъ: „Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“ состоитъ изъ введенія, написаннаго на 16-ти страницахъ, въ которомъ онъ кратко характеризуетъ Св. Григорія, какъ богослова, краснорѣчиваго проповѣдника, поэта; и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ его, какъ учителя о пастырствѣ, что составляетъ первую часть его труда, обнимающую 90 страницъ. Эта часть состоитъ изъ двухъ главъ; въ первой онъ говоритъ словами Григорія Богослова о необходимости пастырскаго служенія въ Церкви Христовой, Божественномъ его происхожденіи, о важности и высокомъ достоинствѣ, трудности его, отвѣтственности сего служенія предъ Богомъ. Во второй главѣ рисуется авторомъ идеаль добраго пастыря: говорится о призваніи къ пастырскому служенію, о внимательномъ приготовленіи къ принятію сего служенія, о высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, о глубокомъ знаніи пастыремъ Свящ. Писанія, объ умѣнны передавать людямъ Божественныя истины и пр. Эту часть можно назвать краткимъ пастырскимъ богословіемъ, составленнымъ по Григорію Богослову. Авторъ называетъ Григорія Богослова первымъ *пастырологомъ*. Это не совсѣмъ справедливо: систематическаго изложенія пастырскихъ обязанностей въ твореніяхъ Св. Григорія нѣтъ; изложеніе же пастырскихъ обязанностей, добродѣтелей, которыми долженъ украшаться пастырь церкви, встрѣчается не только въ Новомъ Завѣтѣ (пастырскія посланія Св. Апостола Павла, ученіе о добромъ Пастырѣ въ Св. Евангеліи), но даже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вторая и послѣдняя часть состоитъ изъ трехъ главъ: въ 1-й говорится о воспитаніи Св. Григорія въ домѣ его родителей, о вліяніи на него благочестивой его матери, о путешествіи его для слушанія лекцій знаменитыхъ ученыхъ того времени въ Каппадокіи, Александріи, о пребываніи его въ Аѳинахъ, о дружбѣ его съ Василиемъ Великимъ. Во 2-й главѣ говорится о подвижничествѣ Св. Григорія, любви къ уединенію; о самоотверженной любви его къ Богу и ближнему, которая побудила его оставить пустыню и принять на себя высокій санъ священства. Въ 3-й главѣ описывается его пастыр-

ская дѣятельность въ а) званіи пресвитера; б) въ званіи епископа; в) въ Константинополѣ; борьба его съ язычествомъ во времена отступника Юліана, борьба съ аріанами и, наконецъ, по удаленіи изъ Константинополя, частная его жизнь и смерть около 390 г. по Рождествѣ Христовѣ.

Сочиненія Св. Григорія Богослова авторомъ основательно изучены; изучилъ авторъ и все, что писано на русскомъ языкѣ о Св. Григоріѣ. Сочиненіе написано правильнымъ языкомъ; читается легко; иностранныхъ словъ авторъ не употребляетъ, за исключеніемъ одного варварскаго *пастырологъ*. За свое сочиненіе авторъ можетъ быть удостоенъ степени кандидата богословія“.

39. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Павлова Александра*: „Ученіе святыхъ отцовъ, преимущественно восточныхъ, въ періодъ вселенскихъ соборовъ о воплощеніи Бога—Слова“:

„Сочиненіе г. Павлова состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ онъ раскрываетъ ученіе святыхъ отцовъ объ условіяхъ и способахъ спасенія человѣка, о причинахъ и цѣляхъ воплощенія, о необходимости и свободѣ воплощенія, предположенія святыхъ отцовъ о возможныхъ способахъ спасенія людей, ученіе ихъ объ избранномъ Богомъ способѣ и о возможности воплощенія Сына Божія. Выводъ изъ отеческаго ученія объ этихъ предметахъ таковъ, что и свойства Божественнаго существа—особенно любви и правды,—и условія, при которыхъ падшій и плѣненный діаволомъ человѣкъ могъ бы быть возстановленъ, освобожденъ и приведенъ опять къ Богу, и нужда для врачеванія падшей природы человѣческой непосредственнаго соединенія съ нею Бога, и необходимость прямѣненія со стороны Бога, спасающаго человѣка, къ законамъ человѣческаго познанія и жизни,—требовали воплощенія Бога и именно Бога—Слова. Вторая глава посвящена изслѣдованію святоотческаго ученія о самомъ воплощеніи, именно о способѣ соединенія въ одномъ лицѣ Богочеловѣка двухъ природъ. Здѣсь раскрывается ученіе о различныхъ видахъ соединенія двухъ въ одно, о совершенной необыкновенности соединенія двухъ природъ во Христѣ; изъясняются понятія отцовъ о „природѣ“ или „естествѣ“, о „лицѣ“ или „ипостаси“, о „соединеніи“, о „смѣшеніи“, о „слиянніи“, о сложной ипостаси, о выра-

женіи Святаго Кирилла: „едино естество Бога— Слова воплотившееся“.

О всѣхъ этихъ предметахъ авторъ изслѣдуетъ ученіе всѣхъ отцевъ взятаго имъ періода времени; но особенно подробно онъ раскрываетъ ученіе о воплощеніи Сына Божія Св. Аѳанасія Великаго въ первой главѣ и Св. Кирилла Александрійскаго во второй,—конечно, потому, что эти два великіе отца Церкви особенно много потрудились и много сдѣлали для уясненія и утвержденія православнаго ученія о воплощеніи Сына Божія и для испроверженія еретическихъ ученій о лицѣ Христа арианъ и несторіанъ.

Главный свой источникъ—творенія святыхъ отцевъ г. Павловъ изучалъ весьма усердно. Главнымъ пособіемъ для ознакомленія съ отеческимъ ученіемъ о воплощеніи служилъ ему классическій трудъ Діонисія Петавія *Quis de theologiacis dogmatibus*. Въ этомъ сочиненіи собранъ и изъясненъ столь обширный матеріалъ о догматѣ воплощенія, что даже и поверхностное ознакомленіе съ нимъ потребовало бы, при отличномъ знаніи латинскаго языка, много времени и труда. Но г. Павловъ изучалъ этотъ огромный матеріалъ тщательно. Конечно, это облегчало ему ознакомленіе съ твореніями отцевъ, но само по себѣ требовало большой затраты времени и упорнаго труда. Не всѣмъ количествомъ изученнаго матеріала авторъ успѣлъ воспользоваться. Но матеріалъ, заключающійся въ сочиненіи г. Павлова, изложенъ систематически и вообще обработанъ отлично. По духу сочиненіе православно. Авторъ сочиненія заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

40. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Петрова Тихона*: „Антіохійская церковь и ея значеніе въ исторіи догматическихъ движеній четвертаго вѣка“:

„Сочиненіе г. Петрова состоитъ изъ вступленія, трехъ большихъ отдѣловъ и очень краткаго заключенія. Во вступленіи (1—8 стр.) оно излагаетъ свѣдѣнія по начальной исторіи и гражданскомъ положеніи города Антіохіи, раскрываетъ исторію насажденія и укрѣпленія здѣсь христіанства и опредѣляетъ руководящее значеніе Антіохіи для всего Востока въ IV вѣкѣ. Слѣдующая за введеніемъ первая часть сочиненія (9—87 стр.) посвящена разсмотрѣнію условій, опредѣлившихъ собой направленіе антіохійской богословской

мысли; такими условіями авторъ считаетъ вліяніе свѣтскаго образованія (9—26), борьбы съ ересями (27—51), іудейскаго богословія и экзегезиса (52—75) и тѣсную связь между экзегетикой и догматикой антиохійцевъ (76—87). Первая часть, такимъ образомъ, даетъ полную и законченную характеристику антиохійскаго богословія. Вторая же часть изображаетъ въ себѣ то, какъ проявлялось это антиохійское направленіе богословской мысли въ догматическихъ движеніяхъ IV в. Эта часть распадается на два большихъ отдѣла, изъ которыхъ первый изслѣдуетъ антиохійское ученіе о Св. Троицѣ, какъ оно выразилось въ арианствѣ (88—138), полуаріанствѣ (138—161) и въ воззрѣніяхъ православныхъ антиохійскихъ богослововъ (162—198), а второй характеризуетъ сложившуюся подъ вліяніемъ борьбы съ арианствомъ и аполинарианствомъ (198—205) христологію антиохійцевъ, представителями которой являются Евстаѳій Антиохійскій, Евсевій Емисскій, Діодоръ Тарсіскій (205—219), Іоаннъ Златоустъ (220—234) и Θεодоръ Мопсуестскій (235—244). Въ небольшомъ заключеніи подводятся итоги всему сказанному въ сочиненіи о значеніи антиохійской церкви въ догматикѣ IV в. (245—246).

Сочиненіе г. Петрова производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своею основательностію, полнотой и законченностію. Авторъ не оставилъ безъ вниманія ни одного вопроса, связаннаго съ его темой, не опустилъ ни одного факта, который былъ бы полезенъ для его соображеній. Въ своихъ изысканіяхъ онъ ни разу не сходитъ съ почвы фактовъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ церковной литературы IV вѣка. Существоющія въ наукѣ пособія, полезныя для его сочиненія, г. Петровъ изучилъ внимательно, но еще лучше онъ изучилъ творенія церковныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ Антиохіи. Съ этой стороны его сочиненіе можетъ быть названо образцовымъ. Онъ пишетъ свое сочиненіе такъ, какъ писали разсматриваемые имъ антиохійскіе богословы, не вдаваясь въ отвлеченныя разсужденія, подтверждая каждое свое положеніе рядомъ цитатъ, основанныхъ на знакомствѣ съ подлиннымъ (греческимъ) текстомъ историческихъ памятниковъ. Къ крупнымъ достоинствамъ сочиненія мы относимъ также его точную и сжатую рѣчь, которая позволяетъ автору сказать въ немногомъ многое.

Какихъ либо существенныхъ недостатковъ въ сочиненіи Петрова мы не замѣтили. Можно было бы пожелать болѣе отчетливой и подробной оцѣнки значенія для антиохійской мысли воззрѣній Павла Самосагскаго, этого „антиохійскаго епископа, возросшаго въ сферѣ антиохійскихъ богословскихъ взглядовъ (стр. 45)“. Точно также ярче слѣдовало отмѣнить мѣсто Антиохіи въ полуаріанскихъ движеніяхъ. Но оба эти недочета, какъ и нѣкоторые другіе подобнаго рода, могутъ быть объяснены присущимъ автору стремленіемъ къ сжатости изложенія. Со стороны слога надлежитъ поставить ему въ вину нѣсколько необдуманное употребленіе термина: „раціонализмъ“ въ приложеніи къ нѣкоторымъ церковнымъ дѣятелямъ (стр. 164 и др.).

Эти сравнительно маловажные недостатки не препятствуютъ признать разсматриваемое сочиненіе весьма хорошимъ, а его автора вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

41. Экстраординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Покровскаго Александра*: „Религія ветхозавѣтныхъ патріарховъ“ (періодъ допотопный):

„Г. Покровскому была поставлена задача — изложить исторію ветхозавѣтнаго Откровенія въ періодъ отъ Адама до потопа и выяснить, въ какіе періоды и какъ усвоилось это Откровеніе допотопнымъ человѣкомъ. Онъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія съ трудолюбіемъ, заслуживающимъ полного одобренія; имъ написано болѣе 100 листовъ (сочиненіе заключаетъ въ себѣ 866 страницъ), библейскій текстъ изслѣдованъ имъ по сврейскому подлиннику, онъ пользовался многими и разнообразными пособіями. Тщательно и усердно онъ старался изслѣдовать все то, что можетъ въ Библии пролить свѣтъ на религіозно-нравственное состояніе той отдаленной эпохи. Текстъ онъ анализируетъ очень внимательно. Какъ на образецъ его вдумчиваго и внимательнаго отношенія къ дѣлу можно указать на сдѣланный имъ анализъ (стр. 623—628) темнаго мѣста кн. Бытія IV, 26, совершенно различно излагаемаго въ славянскомъ и русскомъ текстахъ (славянскій текстъ еще высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ призналъ несправнымъ). Какъ на образецъ его небезусиѣнныхъ попытокъ возстановить при помощи отдаленныхъ указаній и неясныхъ наме-

ковъ характеръ допотопнаго культа, можно указать на III отдѣленіе его 2-ой главы (стр. 293 - 315), гдѣ онъ настаиваетъ на изначальномъ празднованіи седьмаго дня въ родѣ человѣческомъ. Подобнымъ же образцомъ можетъ служить конецъ I-го отдѣленія (стр. 508—511) 4-й главы гдѣ онъ раскрываетъ, что человѣчество уже изначала знало ангеловъ. Онъ пытается возстановить догматику, культъ и нравственное состояніе допотопнаго человѣчества, какъ будто дѣло идетъ о народѣ намъ близкомъ или современномъ, а не о народахъ отдѣленныхъ отъ насъ тысячелѣтіями и жившихъ въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни; онъ дѣлаетъ это не безъ успѣха: картина судебъ первобытнаго человѣчества, рисуемая имъ, является правдоподобною и во многихъ пунктахъ несомнѣнно приближающею къ истинѣ.

Въ своемъ сочиненіи онъ все время чутко стоитъ на сторожѣ. Видно, онъ боится допустить какое бы то ни было предположеніе, несогласное съ установившимся пониманіемъ православнаго ученія, и боится опустить и оставить безъ опроверженія малѣйшее возраженіе противъ православно-христіанскаго пониманія. Онъ борется съ католиками, лютеранами и раціоналистами. Съ другой стороны, руководствуясь прежде всего ученіемъ церкви и святыхъ отцовъ, онъ усердно ищетъ себѣ руководителей и помощниковъ въ борьбѣ съ неправильными религіозными воззрѣніями вездѣ, гдѣ ихъ можно найти—среди англичанъ, французовъ, нѣмцевъ. Ему хочется съ возможною ясностію и основательностію установить православно-христіанское пониманіе, и на многихъ страницахъ своего труда онъ дѣлаетъ это не безъ успѣха.

Сочиненіе написано въ общемъ строго логично и правильнымъ литературнымъ языкомъ.

Таковы крупныя достоинства труда г. Покровскаго, но и недостатки труда немалочисленны.

Въ сочиненіи г. Покровскаго много лишняго. Такова—вся его борьба, которую онъ на многихъ страницахъ ведетъ съ эволюціонистами. Эта борьба не входила въ его задачу и не могла вестись имъ съ успѣхомъ: онъ стоитъ на почвѣ Библии и долженъ выяснять ученіе Библии, а борьба съ эволюціонистами, не признающими Библии, мо-

жетъ вестись лишь на другой почвѣ—данныхъ антропологии, доисторической археологии и палеонтологіи. Вслѣдствіе этого все то, что онъ говоритъ въ осужденіе взглядовъ эволюціонистовъ, является и логически не связаннымъ съ остальными частями его труда и практически бесплоднымъ. Другой крупный излишекъ его труда—это введенная имъ исторія критики текста. Для его цѣлей была нужна только современная критика и только тѣхъ мѣстъ Библии, которыя были предметомъ его изслѣдованія. Исторія критики была ему не нужна и, нарушая единство и логическую стройность его изслѣдованія, не могла имъ быть и хорошо написана, ибо для написанія ея требуется гораздо болѣе знаній и труда, чѣмъ для написанія сочиненія на полученную авторомъ тему.

Одинъ изъ недостатковъ труда г. Покровскаго, дающій себя чувствовать на многихъ страницахъ его сочиненія, это—неудачный выборъ для себя руководителей по вопросу о древнѣйшихъ преданіяхъ человѣчества. Г. Покровскій хочетъ доказать истинность библейскаго повѣствованія о первочеловѣчествѣ тѣмъ, что преданія, представляющія отзвукъ Библии, существуютъ у всѣхъ народовъ. Но безъ знанія исторіи религій онъ оказался не въ состояніи разобраться въ имѣвшихся у него пособіяхъ и допустилъ по вопросу о преданіяхъ и многахъ много ошибокъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Легенду объ Ута или Уата онъ называетъ обще-арійской (стр. 544), но она только - древнеперсидская. Пизиду онъ называетъ матерью и сестрой Озириса (стр. 640), но въ египетской мифологіи она представлялась сестрою и женою и никогда матерью Озириса. Мифъ объ Адонисѣ онъ сближаетъ съ библейскимъ повѣствованіемъ объ Авелѣ (стр. 640), но мифъ объ Адонисѣ несомнѣнно чисто натуралистическаго происхожденія. О книгѣ мертвыхъ онъ утверждаетъ, что ея 17-я глава въ древнѣйшей редакціи содержитъ въ себѣ „ясно выраженный принципъ монотеизма — единство и самобытность Божества“ (стр. 843). Это—неправда. Если нѣкоторые изслѣдователи находятъ возможнымъ утверждать, что на древнѣйшихъ памятникахъ Египта можно находить слѣды монотеизма, то они указываютъ на памятники гораздо древнѣйшіе древнѣйшей редакціи книги мертвыхъ (въ первона-

чальномъ видѣ книга явилась при XI династїи). Да, судя по тексту автора, можно предположить, что онъ неясно представляетъ себѣ, что такое—эта знаменитая книга мертвыхъ? Вообще все его разсужденіе о преданїяхъ производитъ то впечатлѣніе, что онъ совсѣмъ незнакомъ съ курсами мѣологїи, а черпалъ изъ разныхъ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства апологетическихъ книжекъ смѣлыя апологетическія утвержденія и безъ провѣрки переносилъ ихъ въ свое изслѣдованіе.

Къ сожалѣнію, авторъ иногда покидаетъ и свое строго-внимательное отношеніе къ Библіи и приписываетъ библейскому тексту то, чего въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Такъ, на стр. 239 онъ пишетъ: „христіанство, по художественному сравненію ап. Павла, есть дикая маслина привившаяся къ древу синагоги“. Но если бы онъ справился съ мѣстомъ изъ Римл. XI, 16—21, которое онъ несомнѣнно здѣсь разумѣетъ, онъ нашелъ бы тамъ мысль нѣсколько иную. На стр. 337 сонъ, наведенный Богомъ на Адама, авторъ уподобляетъ состоянію Іова (IV, 13), называя это состояніе спомъ видѣній, но если бы онъ справился съ книгою Іова, то узналъ бы, что это состояніе испыталъ не Іовъ, а Елифазъ. На стр. 466 онъ говоритъ, что ап. Павелъ приписываетъ Евѣ лишь прельщеніе, а преступленіе одному Адаму и цитируетъ I Тимоо. II, 14, но тамъ написано: „жена, прельстившись, *впала въ преступленіе*“.

Есть у автора и ошибки въ сужденїяхъ о производствѣ словъ, употребляемыхъ въ Библіи; такъ Adam онъ производитъ отъ Adamah (стр. 326), но правильнымъ можетъ быть только обратное производство.

Къ цитациі авторъ относится не всегда строго: иногда онъ беретъ цитаты изъ другихъ рукъ (стр. 20), а иногда его цитаты оказываются невѣрными (стр. 109).

По мѣстамъ у автора встрѣчаются неточности, ошибки, неправильныя выраженія (мѣста эти отмѣчены читавшимъ преподавателемъ на поляхъ сочиненія, стр. 75, 109, 233, 289, 293, 305, 311, 314, 331, 356, 367, 401, 445, 449, 502, 516, 545, 564, 565, 651, 682, 709, 712, 761, 776, 781, 811, 826, 829).

Но всѣ эти недостатки съ избыткомъ уравниваются богатыми положительными сторонами труда. Степени кан-

дидата богословія за свое сочиненіе авторъ вполне заслуживаетъ“.

42. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Полозова Николая*: „Паисій Лигарида и его значеніе въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола“:

„Сочиненіе г. Полозова посвящено изслѣдованію о личности и дѣятельности извѣстнаго греческаго выходца и питомца римской іезуитской коллегіи, Паисія Лигарида, принимавшаго весьма видное участіе въ сношеніяхъ русскаго правительства съ греческимъ востокомъ по дѣлу патріарха Никона и въ осужденіи его на Большомъ Московскомъ соборѣ,—событіяхъ, тѣсно связанныхъ съ возникновеніемъ у насъ такъ наз. старообрядческаго раскола. Для изслѣдователей послѣдняго интересъ названной личности еще вышшеается тѣмъ, что перу Паисія принадлежитъ первое по времени полемическое сочиненіе противъ раскола, составленное по порученію дух. власти: „Опроверженіе челобитной попа Никиты (Пустосвята)“, недавно изданное, въ переводѣ С. Полоцкаго, Н. П. Субботинымъ (въ „Матер. для ист. раск.“, т. IX, М. 1895). Г. Полозовъ и сосредоточилъ (какъ и требовалось) свое вниманіе преимущественно на указанныхъ сторонахъ дѣятельности Паисія, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ первоначальной исторіи раскола. Сообщивши въ I главѣ своего изслѣдованія (стр. 1—72) свѣдѣнія о жизни Паисія до его пріѣзда въ Россію, онъ въ двухъ слѣдующихъ обширныхъ главахъ подробно говоритъ о „невольной услугѣ“ Лигарида расколу участіемъ въ дѣлѣ п. Никона (гл. II, стр. 72—238) и о литературной борьбѣ Паисія съ расколомъ, выразившейся въ составленіи вышеозначеннаго опроверженія на челобитную Никиты (гл. III, стр. 239—338); послѣдняя IV глава (стр. 339—112) изображаетъ вліяніе Паисія при русскомъ дворѣ, пріобрѣтенное участіемъ въ дѣлѣ п. Никона, сношенія Паисія съ иностранцами, его паденіе и дальнѣйшую судьбу. Таково, кратко, содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Пользуясь помощію имѣющихся въ ученой литературѣ работъ, такъ или иначе касающихся личности и дѣятельности Лигарида, авторъ выполнилъ свой трудъ съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ. Онъ умѣло воспользовался данными

своихъ источниковъ, извлекая изъ нихъ то, что иной разъ высказано въ нихъ довольно неопредѣленно и неясно, только въ видѣ болѣе или менѣе отдаленнаго указанія или намека. Обиліе собраннаго матеріала, внимательный анализъ его и тщательная группировка въ сочиненіи имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что личность и дѣятельность Паисія Лигарида выступаютъ предъ читателемъ опредѣленно и полно. Способъ изложенія серьезный, точный и, за немногими исключениями, вполне литературный. Это—достоинства сочиненія. Есть въ немъ, конечно, и недостатки. Къ числу ихъ должно отнести, прежде всего, нѣкоторыя излишества и нѣкоторые недочеты изслѣдованія. Авторъ съ излишнею для его прямой задачи подробностію занимается свидѣтельствомъ Льва Аляція объ удаленіи Мелетія Пигаса съ о. Хиоса (стр. 7—19) и вообще характеристикю отношеній православныхъ жителей того острова къ католикамъ; такъ же излишне-подробно, въ виду ихъ общеизвѣстности, излагаются у него вопросы Стрешнева съ отвѣтами на нихъ Паисія (стр. 96—123) и отвѣты восточныхъ патріарховъ по дѣлу Никона, присланные съ іеродиакономъ Мелетіемъ (стр. 158—168). Тракуя съ излишнею подробностію одни предметы, авторъ оставляетъ недостаточно обслѣдованными и уясненными другіе, пуждавшіеся въ уясненіи. Такъ онъ ограничивается почти однимъ лишь пересказомъ вышеупомянутаго полемич. сочиненія Паисія противъ раскола, тогда какъ въ этомъ отношеніи можно было бы ожидать большаго. Есть и другіе, болѣе мелкіе недочеты и пробѣлы. Авторъ не разъ, напр., упоминаетъ о „подпискѣ“, данной, по его словамъ, русскими архіереями — дѣйствовать единодушно противъ п. Никона, и ею объясняетъ поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ; но самый фактъ существованія этой подписки остается въ сочиненіи не выясненнымъ. Соображенія относительно времени написанія одного изъ писемъ Паисія къ царю, высказанныя на стр. 76, не отличаются убѣдительностію и даже ясностію. Замѣтна по мѣстамъ въ сочиненіи излишняя рѣзкость въ отзывахъ о Паисіи, которая хотя и объясняется нѣсколько тою неблаговидною ролью, какая принадлежитъ ему въ дѣлѣ осужденія п. Никона, однако не можетъ быть оправдана вполне. Наиболѣе рѣзко бросающимся въ глаза недостаткомъ сочиненія являются не-

удачные переводы въ тѣхъ случаяхъ, когда автору приходится имѣть дѣло съ латинскими источниками (см. напр. стр. 8—9 и 354—5: ошибки перевода здѣсь чувствуются даже ранѣе сличенія его съ подлинникомъ). Попадаются, наконецъ, въ видѣ исключенія, въ рѣчи самого автора выраженія, неумѣстные въ серьезномъ ученomъ трудѣ („науськивать“ — стр. 79, дѣло „пошло какъ по маслу“ — стр. 439). — Не смотря на всѣ указанные недостатки, сочиненіе г. Полозова въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе труда серьезнаго, основательнаго и добросовѣстнаго, авторъ котораго долженъ быть признанъ вполне достойнымъ искомой имъ ученой степени“.

43. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Поповича Михаила*: „Юридическія лица въ области церковно-имущественнаго права“:

„Указавъ въ предисловіи на существованіе теорій, различно рѣшавшихъ вопросъ о такъ называемыхъ юридическихъ лицахъ вообще, авторъ ставитъ своею задачею выяснитького— слѣдуетъ почитать субъектами права или собственниками церковно-имущественнаго права по ученію каноническаго права православной церкви и по дѣйствующему русскому законодательству.“

Сочиненіе раздѣляется на четыре главы.

Въ 1-ой главѣ (стр. 15—56) предоставлено изложеніе наиболѣе характерныхъ теорій, раскрывавшихъ понятіе „юридическаго лица“. Во 2-ой (стр. 57—120) изложены теоріи главнымъ образомъ западныхъ канонистовъ о субъектѣ церковной собственности съ кригическою ихъ оцѣнкою. Авторъ распредѣляетъ ихъ на четыре главныхъ вида и, не признавая вполне вѣрнымъ ни одного изъ нихъ, какъ не вполне со гласующагося съ первоисточниками каноническаго права Восточной церкви, склоняется признать наиболѣе вѣрною ту теорію, по которой собственниками церковнаго имущества почитаются *церковныя учрежденія*. 3-я глава сочиненія (стр. 121—164) посвящена обзорнiю церковныхъ правилъ и законовъ греко-римскихъ императоровъ касательно церковнаго имущества, результатомъ какового обзорнiя и получился выводъ, что въ греко-римской имперіи законы и каноны собственниками церковнаго имущества признавали церкви и церковныя учрежденія (стр. 164). Въ главѣ 4-ой

(стр. 165—237) авторъ старается доказать на основаніи памятниковъ законодательства древней Руси и дѣйствующаго ту мысль, что и здѣсь всегда выдерживалось тоже возрѣніе на церковное имущество, какое проводится въ каноническомъ и государственномъ правѣ Византіи и, опираясь на положительный гражданскій законъ, утверждаетъ, что собственниками церковнаго имущества въ Россіи почитаются: церкви, монастыри, архіерейскіе дома, богоугодныя заведенія и духовно-учебныя заведенія (стр. 188).

Въ общемъ вопросъ рѣшенъ авторомъ вѣрно; изслѣдованія автора отличаются обстоятельностью, сужденія—основательностью. Частыя ссылки автора какъ на подлинное законодательство церковное и государственное, такъ и на литературу русскую каноническую и юридическую, свидѣлствуютъ объ усердіи автора къ дѣлу.

Къ недостаткамъ сочиненія должны быть отнесены во 1-хъ нѣкоторая растянутость изложенія и по мѣстамъ встрѣчающіяся повторенія одного и того же, во 2-хъ по мѣстамъ встрѣчающіяся неточность и неясность выраженій, что объясняется національностью автора (серба). Недостатки извинительные, въ значительной мѣрѣ покрывающіеся выше указанными достоинствами.

Пріяваю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для соисканія кандидатской степени“.

44. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Попова Николая*: „Государственное положеніе и внутреннее состояніе раскола въ царствованіе Петра I“:

„Сочиненіе г. Попова состоитъ изъ краткаго введенія (стр. 1—7) и пяти главъ, въ которыхъ авторъ, послѣ сжатаго очерка исторіи старообрядческаго раскола отъ перваго возникновенія, такъ называемыхъ, раскольническихъ мѣнній до времени царствованія Петра I-го (гл. I, стр. 8—102), излагаетъ изданныя въ это царствованіе законодательныя постановленія, опредѣлявшія собою государственное положеніе и гражданскія права раскольниковъ (гл. II, стр. 103—126), указываетъ затѣмъ послѣдствія этихъ постановленій во внутренней жизни старообрядческаго раскола, —говоритъ объ организаціи раскольническихъ обществъ (скитовъ, напр. Выгорѣцкаго) и развитіи раскольническаго ученія (гл. III, стр. 127—170), въ частности—

ученія объ антихристѣ, какъ извѣстно, получившаго сильный толчекъ для своего развитія въ реформахъ Петра (гл. IV, стр. 171—253), и, наконецъ, о слѣдствіи этого ученія въ жизни тогдашняго раскола—самоистребленія (гл. V, стр. 225—321). Въ концѣ сочиненія помѣщены два приложенія, имѣющія отношеніе къ содержанію V главы (стр. 323—334).—Какъ можно видѣть уже изъ этого краткаго очерка содержанія разсматриваемаго сочиненія, со стороны содержанія оно не безупречно: авторъ совершенно напрасно внесъ въ свое произведеніе много не имѣющаго прямого отношенія къ его темѣ и для цѣлей его работы совершенно излишняго (почти вся довольно большая I глава); съ другой стороны, его сочиненіе не обнимаетъ своего предмета сполна и въ изслѣдованіи даже наиболѣе важныхъ сторонъ его не обладаетъ желательною и возможною, при существующей печатной литературѣ этого предмета, полнотою. Но главнѣйшіе факты, подлежавшіе обслѣдованію, приняты г. Поповымъ во вниманіе и поняты правильно; нѣкоторыя частныя сужденія носятъ отпечатокъ серьезной вздумчивости и умѣнья проникать въ смыслъ историческихъ фактовъ; изложеніе мыслей достаточно обработанное. Сочиненіе даетъ автору право на полученіе искомой степени“.

45. Доцента Василія Мышцына о сочиненіи студента *Ильницкаго Михаила*: „Ветхозавѣтное ученіе о любви къ ближнимъ“:

„Небольшое сочиненіе студента Ильницкаго (264 стр.) представляетъ собою опытъ болѣе или менѣе самостоятельнаго раскрытія предмета на основаніи главнымъ образомъ Пятонкииія Моисеева. Изложивъ общія мысли о видахъ любви (1—10 стр.), авторъ прямо переходитъ затѣмъ къ уясненію относящагося къ его вопросу библейскаго матеріала, который онъ заимствуетъ изъ двухъ источниковъ: изъ исторіи и законодательства. Справедливо смотря на нѣкоторые историческіе факты, рисующіе взаимныя отношенія людей, какъ на выраженіе нравственныхъ понятій и идеаловъ ветхозавѣднаго человѣка, развившихся на почвѣ истинной вѣры въ Іегову, — авторъ въ однихъ изъ этихъ фактовъ находитъ проявленіе *ahub*, т. е. чувства родственной любви, связующей семью, родъ и цѣлое племя (Авраамъ, Іосифъ, Давидъ и др.), въ другихъ *chesed*, т. е. истинной гуман-

ности, стремящейся возвыситься до любви ко всемъ людямъ (Руофъ, Раавъ и Давидъ), но въ тоже время опредѣляемой не случайными причинами, но высшимъ началомъ правды, сознаниемъ общечеловѣческаго долга, и потому обозначаемой словомъ *chesed* обычно въ сочетаніи съ словомъ *emet* (т. е. милость и истина). Самое яркое выраженіе *ahab* и вмѣстѣ *chesed ve emet* авторъ видитъ въ исторіи Іосифа и потому подробно останавливается на ней. Переходя, далѣе, къ закону Моисееву, авторъ разсматриваетъ не только законы о взаимныхъ отношеніяхъ людей, но и законы, опредѣляющіе отношеніе человѣка къ животнымъ и всей внѣшней природѣ, отмѣчая въ нихъ повсюду проявленіе глубокой гуманности. Окончательный выводъ изъ разсмотрѣнныхъ законовъ таковъ: въ нихъ, съ одной стороны заповѣдуется любовь къ ближнему, по образу любви самого себя, слѣдовательно, любовь, если не жертвующая собой для блага ближняго (въ христіанскомъ смыслѣ), то во всякомъ случаѣ уже теперь ставящая вопросы о самопожертвованіи (Втор. XV, 9—11, 18), его границахъ, его главной, прямой цѣли; — съ другой стороны, настойчиво внушается осторожность въ выборѣ объекта любви (ср. Псал. 100 и 14) или, — вѣрнѣе сказать, — заповѣдуется пылливо - чуткое отношеніе къ нравственно идеальной цѣлости ближняго (ср. отношенія Іосифа къ его братьямъ)“—стр. 241.

Какъ видно уже изъ этого краткаго очерка содержанія сочиненія Пѣвницкаго, послѣдній далъ правильную постановку вопросу, примѣнивъ къ нему историко-экзегетическій методъ. Въ похвалу автору слѣдуетъ сказать, что онъ обнаруживаетъ способность извлекать нужные для него выводы изъ историческихъ фактовъ, выленить ихъ психологическую сторону. По всему видно, что авторъ работалъ съ большимъ интересомъ, каковъи неволью передается и читателю. Онъ тщательно изучилъ Пятокнижіе; сумѣлъ воспользоваться самыми незначительными повидимому подробностями въ библейскихъ повѣствованіяхъ. Достоинства эти уменьшаются нѣсколько частными недостатками въ сочиненіи Пѣвницкаго, именно: чрезмѣрною растянутостью объясненія отношеній Іосифа къ братьямъ (88 страницъ), переполненнаго частыми повтореніями и переправдываемого важностью извлеченныхъ изъ него выводовъ, далѣе—излишнимъ стремленіемъ

емъ смягчить суровыя предписанія закона Моисеева („око за око“ и др.) и, наконецъ, склонностью употреблять безъ нужды иностранныя слова. Но и при этихъ недостаткахъ указанныя достоинства въ сочиненіи студента Пѣвницкаго побуждаютъ насъ признать автора вполнеслужащимъ въ степени кандидата богословія“.

46. П. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Розанова Андрея*: „Исторія церковной жизни въ ростовскомъ краѣ въ кievскій періодъ“:

„Обширное сочиненіе г. Розанова (V+510) дѣлится на семь неравныхъ главъ. Предисловіе своему изслѣдованію очеркъ культурнаго состоянія края въ концѣ X вѣка (гл. I), въ обширной второй главѣ авторъ обстоятельно рассказываетъ о распространеніи христіанства въ ростовскомъ краѣ въ кievскій періодъ. Не менѣе обширная третья глава посвящена исторіи церковнаго управленія до 1214 года, т. е. до раздѣленія епархіи, четвертая—управленію владимірской и ростовской епархіи до нашествія монголовъ. Въ слѣдующихъ болѣе краткихъ главахъ излагается исторія монастыря (V гл.), богослуженія (VI гл.) и просвѣщенія (VII гл.)

Тема, избранная авторомъ, небогата источниками, притомъ же они не отличаются надежностью. Поэтому надо вчитаться въ памятники и съ особенной осторожностью разобрался въ ихъ показаніяхъ, чтобы написать связно и возможно правдиво исторію церковной жизни въ указанныхъ хронологическихъ и географическихъ предѣлахъ. Авторъ выполнилъ и то и другое. Онъ прекрасно изучилъ матеріалъ, критически оцѣнилъ его (за немногими исключеніями) и построилъ много интересныхъ предположеній, изъ которыхъ не всѣ отличаются убѣдительностью, но всѣ свидѣтельствуютъ объ остроуміи, большой внимательности и солидныхъ познаніяхъ автора. Надо указать его разсужденія о положеніи христіанства въ Ростовѣ въ первой пол. XI в., о концѣ св. Леонтія, о времени управленія ростовской епархіей еп. Ефрема, о времени поставленія еп. Нестора, объ основаніяхъ для отказа со стороны константинопольскаго патріарха князю Андрею въ открытіи митрополіи на сѣверѣ,—какъ на отдѣлы, рекомендующіе работу автора съ самой лучшей стороны. Но кромѣ этихъ частностей, безусловно цѣнныхъ, сочиненіе представляетъ примѣры удачныхъ обоб-

щеній и построеній. Напримѣръ, факты изъ исторіи церковнаго управленія ростовской епархіи съ самаго начала княженія Андрея Боголюбскаго онъ удачно объясняетъ общей политикой князя, наглядно сказавшейся потомъ въ его попыткѣ раздѣлить митрополію. Для связной исторіи монашества, богослуженія и просвѣщенія въ ростовскомъ краѣ за кіевскій періодъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Поэтому въ трехъ послѣднихъ главахъ авторъ представилъ только матеріалъ, собранный очень тщательно. Сдѣланный имъ списокъ монастырей ростовскаго края восполняетъ нѣкоторые пропуски въ исторіи Е. Е. Голубинскаго.—Сочиненіе не чуждо и нѣкоторыхъ недостатковъ. Есть гипотезы по частнымъ вопросамъ слишкомъ смѣлыя. Въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ приходится обобщать и освѣщать разрозненные факты общей мыслью, автора иногда покидаетъ чувство мѣры и научнаго вкуса. Свои предположенія въ этихъ случаяхъ онъ излагаетъ увѣреннымъ тономъ; извѣстныхъ ему историческихъ лицъ онъ старается размѣстить въ ходѣ тѣхъ событій, въ которыхъ по памятникамъ не видно ихъ участія; изображаетъ душевное состояніе лицъ, которое осталось для насъ тайной; наконецъ, изъ потребностей чисто эстетическихъ рисуетъ цѣлыя картины по двумъ-тремъ штрихамъ. Въ этихъ случаяхъ авторъ исходитъ не отъ показаній памятниковъ къ своему взгляду, а наоборотъ: признавая свой взглядъ твердо установленнымъ, онъ разбрасываетъ предположенія, навязывая ихъ памятникамъ въ видѣ комментарій. Вслѣдствіе этого теряютъ въ своемъ достоинствѣ тѣ отдѣлы сочиненія, противъ общей мысли которыхъ нечего возразить. Но указанные недостатки незначительны предъ выдающимися достоинствами работы.

Въ общемъ сочиненіе г. Розанова надо признать весьма дѣльнымъ“.

47. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Силія Дмитрія*: „Связь христіанскаго нравоученія съ вѣроученіемъ и вліяніе послѣдняго на жизнь“:

„Въ настоящее время сочиненія на ученые степени утратили свой первоначальный характеръ „разсужденій“, диссертаций въ буквальному смыслѣ слова, и получили видъ изслѣдованій, въ основѣ которыхъ полагаются изученіе

прежней и современной литературы предмета, изслѣдованіе и критическая оцѣнка и обработка матеріала, опроверженіе неправильныхъ взглядовъ на предметъ, обоснованіе своего взгляда и выработка выводовъ, которые, впрочемъ, иногда берутся готовыми. Сочиненіе г. Силина, напротивъ, есть именно разсужденіе или, пожалуй, размышленіе, но не изслѣдованіе. Оно написано безъ источниковъ и пособій: въ немъ нѣтъ ни одной цитаты; въ немъ изложены самостоятельныя мысли автора, его размышленія и разсужденія.

Оно состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) идея Бога въ жизни человѣчества; 2) болѣзни и нужды совѣсти; 3) животворящая сила христіанскаго вѣроученія; 4) богословіе.

По собственнымъ словамъ автора „первыя три главы представляютъ обращикъ объединеннаго догматико-нравственнаго богословія, о которомъ говорится въ послѣдней главѣ“. Но на самомъ дѣлѣ первыя три главы раскрываютъ только основоположенія догматическаго и нравственнаго богословія. Окончательный выводъ изъ разсужденій автора тотъ, что „вѣроученіе и нравоученіе христіанства совпадаютъ и представляютъ изъ себя единое, органически-цѣлостное, богословіе“. Этотъ выводъ утверждается на томъ положеніи, что „вѣруютъ тѣ, которые имѣютъ подлинное наученіе въ вѣрѣ, подлинное понятіе объ истинахъ вѣры, а это понятіе доступно только доброй совѣсти, въ которой началось оживаніе добра, познаніе о добрѣ“.

Что существуетъ самая тѣсная связь между христіанскимъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ, это несомнѣнно. Но признаніе этой истины и раскрытіе этой связи въ общихъ очертаніяхъ не даютъ еще въ результатъ системы догматико-нравственнаго богословія. Немногіе опыты построения такихъ системъ едва-ли можно признать удачными. Что касается до г. Силина, то онъ указалъ только на связь между основами нравственнаго и догматическаго богословія; но ни самъ не создалъ догматико-нравственнаго богословія, ни начерталъ плана такого богословія, и не выразилъ сужденія о существующихъ опытахъ такихъ системъ. По направленію сочиненіе г. Силина православно.

Сочиненіе г. Силина отличается возвышеннымъ полетомъ мысли, живостію чувства и образностію языка. Но за то оно слишкомъ отвлеченно и изобилуетъ гиперболическими

выраженіями. Самое большое достоинство его, конечно, заключается въ его полной самостоятельности. Въ этомъ отношеніи оно представляетъ собою въ настоящее время исключительное явленіе. Авторъ его степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

48. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Смирнова Александра*: „Отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви отъ Θεодосія Великаго до Юстиніана“:

„Сочиненіе г. Смирнова не имѣетъ ни введенія, изъ котораго можно было бы ознакомиться съ задачами его сочиненія, ни заключенія, которое бы показывало результатъ его труда. Онъ начинается свое изслѣдованіе ex abrupto, прямо съ вопроса о происхожденіи и воспитаніи императора Θεодосія Великаго. Изъ послѣдовательнаго чтенія его сочиненія, однако, ясно открывается, что свою тему Смирновъ понялъ односторонне; своею цѣлію онъ поставилъ разсмотрѣніе отношеній византійскихъ императоровъ отъ Θεодосія Старшаго до Юстиніана къ ересямъ и язычеству, совѣмъ,—повидимому, не подозревая, что этими двумя моментами опредѣляется лишь одна отрицательная сторона религіозной полтики занимающихъ его императоровъ. Поэтому, подробно излагая взглядъ императоровъ изучаемаго имъ періода на ересь и анализируя ихъ узаконенія касательно еретиковъ и язычниковъ, онъ нигдѣ не ставитъ вопроса о томъ, какъ же относились эти императоры собственно къ православнои церкви? Исключеніе составляетъ только одна замѣтка о борьбѣ императорскаго двора съ Іоанномъ Златоустомъ, изложенная всего на полоторыхъ страницахъ.

Эта односторонность въ пониманіи своей задачи является, конечно, существеннымъ недостаткомъ сочиненія, но придавать ей какое-либо рѣшающее значеніе было бы несправедливо въ виду того, что, ограничивъ свои занятія изученіемъ императорскихъ узаконеній касательно лишь ересей и язычества, г. Смирновъ получилъ полную возможность произвести это изученіе основательно и подробно, что дѣйствительно онъ и выполнилъ. Центральнымъ пунктомъ его изслѣдованія является царствованіе трехъ императоровъ: Θεодосія Великаго, Аркадія и Θεодосія Младшаго, а основнымъ источникомъ—извѣстный кодексъ, изданный послѣд-

нимъ изъ названныхъ правителей. Нужно поставить въ особую заслугу г. Смирнову то, что этотъ кодексъ въ отдѣлахъ de haereticis и de paganis изученъ имъ блестящимъ образомъ. Всякій, знакомый съ этимъ источникомъ, знаетъ, какъ трудно дается человѣку, не искушенному въ юридическихъ тонкостяхъ, правильное пониманіе, а тѣмъ болѣе переводъ помѣщенныхъ тамъ узаконеній, но г. Смирновъ чувствуетъ себя настолько полнымъ хозяиномъ обследованныхъ имъ отдѣловъ кодекса, что исправляетъ и пополняетъ даже знаменитые комментаріи Готофреда (см. 122 стр.). Его источники не исчерпывается кодексомъ Феодосія; онъ читалъ свѣтскихъ и церковныхъ византійскихъ историковъ и хронистовъ и извлекъ оттуда много полезныхъ для него свѣдѣній. Поэтому, и его сочиненіе, не смотря на отмѣченную выше односторонность, имѣетъ подъ собой очень солидную почву. Такъ, напр., его отдѣлъ о царствованіи Феодосія Великаго составленъ настолько полно и основательно, что его одного было бы достаточно для присужденія автору степени кандидата богословія. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ этого все сочиненіе“.

49. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Смирнова Сергія 1-го*: „Цѣлесообразное устройство міра, какъ одно изъ доказательствъ бытія Божія“:

„Сочиненіе студента Смирнова выгодно выдѣляется изъ ряда обычныхъ студенческихъ работъ по философіи своимъ *положительнымъ характеромъ*. Въ первой главѣ, на основаніи точныхъ естественно-научныхъ данныхъ, онъ указываетъ важнѣйшіе факты, въ которыхъ проявляется цѣлесообразное устройство міра. Во второй и третьей, путемъ основательной и очень удачной критики Дарвина и Канта, устанавливаетъ правильную точку зрѣнія на эти факты. Въ четвертой разъясняетъ и формулируетъ законъ конечныхъ причинъ или цѣлей, какъ необходимый принципъ мышленія о мірѣ. Наконецъ, изъ всего изложеннаго дѣлаетъ логически-ясный и основательный выводъ о существованіи Первовиновника цѣлесообразнаго устройства міра. Для написанія своего, сравнительно необширнаго, сочиненія (306 стр.) авторъ отчасти изучилъ, отчасти просмотрѣлъ около сотни (92) книгъ и болѣе полусотни журнальныхъ

статей (55), какъ на русскомъ, такъ и иностранныхъ (нѣмецкомъ и французскомъ) языкахъ (списокъ книгъ и статей, которыми авторъ пользовался, приложенъ имъ къ концу сочиненія). Повсюду точная и опредѣленная цитация показываетъ, что авторъ *освоился со своими источниками хорошо*. Мысль сочиненія логически-точная и ясная. Стилъ безупречный. Направленіе правильное. Въ виду указанныхъ свойствъ сочиненія г. Смирнова, признаю его вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

50. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Смирнова Сергія З-го*: „Юридическія лица въ области церковно-имущественнаго права“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи (1—35) авторъ доказываетъ прежде всего, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, что вопросъ о субъектахъ церковнаго имущества, въ томъ числѣ и о юридическихъ лицахъ, есть не исключительно вопросъ *гражданскаго* права, но и *церковнаго*. Затѣмъ разъясняетъ практическую важность его въ виду господствующаго въ настоящее время разногласія нашихъ юристовъ по вопросу о природѣ юридического лица вообще и въ частности по вопросу о томъ, кого должно признать собственниками или субъектами церковнаго имущества по дѣйствующему у насъ законодательству.

Самое изслѣдованіе вопроса подраздѣляется на двѣ части— *теоретическую* и *историческую*.

Въ теоретической части (37 — 95) авторъ прежде всего подвергаетъ обстоятельному разсмотрѣнію взглядъ новѣйшихъ германистовъ (напр. Регельсбергера) на юридическія лица, поборникомъ котораго въ нашей юридической литературѣ выступилъ профессоръ Н. С. Суворовъ въ своемъ изслѣдованіи: *О юридическихъ лицахъ по римскому праву* и въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ *Журналъ Юридическаго Общества* подъ заглавіемъ: *Центральная организація церкви, какъ юридическое лицо*. Авторъ весьма мѣтко указываетъ недостаточность этого взгляда именно въ примѣненіи его къ церковному имуществу. Признаніе прихода, монастыря, архіерейскаго дома и пр. имущественными корпораціями въ гражданскомъ смыслѣ—какъ то выходитъ по смыслу теоріи германистовъ и признаніе за этими корпораціями правъ юридическихъ лицъ противорѣчитъ внутренней

природѣ церковнаго владѣнія, противорѣчить той цѣли, съ которою христіане жертвуютъ свое имущество на монастырь или храмъ. „Не забудемъ—говоритъ авторъ — что прихожане, строя храмъ и вообще полагая начало церковному имуществу, называютъ его *собственностію Бога, или святыхъ*... Это выраженіе отмѣчаетъ весьма характерную черту внутренней организаціи церковнаго владѣнія, именно—что оно организуется только на почвѣ исполненія христіаномъ нравственной обязанности. Прихожане, строя храмъ, не передаютъ своихъ правъ какому-нибудь отдѣльному лицу, чтобы оно положило начало у нихъ извѣстному учрежденію, но они и не могутъ сохранять свои владѣльческія права по смыслу тѣхъ нравственныхъ мотивовъ, которыми вызвана постройка храма. Проникаясь началами христіанской нравственности, они отказываются отъ своего имущества такъ, чтобы оно употреблено было на богоугодную цѣль, непременно санкціонированную церковною властью. Эта цѣль сознавалась (ими) какъ воля свыше, а не свое собственное желаніе. Прихожане отдавали свое имущество по требованію какъ бы Самого Бога и Богъ указываетъ, какъ именно должно быть употреблено это имущество. Поэтому распоряженіе этимъ имуществомъ не могло быть въ рукахъ какой-либо корпораціи, а — только въ рукахъ церковной власти, согласно волѣ Божіей онымъ распоряжающейся“ (стр. 52—53).

Этотъ совершенно вѣрный взглядъ свой авторъ аргументируетъ далѣе положительно на основаніи Свящ. Писанія и каноновъ церковныхъ (подъ рубрикою: *внутренняя организація церковнаго владѣнія или юридическаго лица*—стр. 55—74), а затѣмъ — подѣ рубрикою: *юридическая конструкція церковнаго владѣнія въ формѣ юридическаго лица*—стр. 75—95, — авторъ выясняетъ, что внутренней природѣ церковнаго владѣнія наиболѣе соотвѣтствуетъ внѣшняя форма *учрежденія* какъ юридическое лицо (а не форма *корпораціи*). „Признавая, — говоритъ онъ на стр. 84, — это соотвѣтствіе юридической конструкціи *учрежденія* внутренней организаціи церковнаго владѣнія, мы должны сознаться, что субъектомъ правъ на церковное имущество всегда было *церковное учрежденіе*. Исторія церковнаго имущества лишь оправдала въ дѣйствительности то, что явилось необходимымъ въ теоріи“.

Въ *исторической* части своего сочиненія (стр. 96—226) авторъ въ частности изображаетъ отдѣльныя учрежденія какъ юридическія лица въ области имущественнаго права, а именно: *церковь, монастырь, архіерейскій домъ, Святѣйшій Синодъ* (вопреки мнѣнію профессора Анненкова, отрицающаго за Синодомъ свойства юридического лица), *благотворительныя и духовно-учебныя учрежденія, епархіальный съездъ духовенства.*

Сочиненіе С. Смирнова 3-го, при своемъ незначительномъ объемѣ (стр. 1—226), отличается обширною начитанностію автора въ юридической литературѣ по одному изъ трудныхъ вопросовъ права, глубиною изслѣдованія и вѣрностію рѣшенія даднаго вопроса. Весьма желательно было бы появленіе его въ печати; для сего автору остается лишь незначительный трудъ виѣшней стилистической отдѣлки, которой по мѣстамъ не достаетъ его весьма серьезному сочиненію.

Признаю автора достойнымъ кандидатской степени“.

51. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Соколова Ивана*: „Святый Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“:

„Сочиненіе г. Соколова заключаетъ въ себѣ, кромѣ введенія, двѣ части изслѣдованія, намѣченныя самой темой.

Разъяснивъ въ небольшомъ введеніи (стр. 1—20) особую важность и вмѣстѣ трудность пасторологическаго изученія трудовъ св. Григорія Богослова, авторъ въ 1-й главѣ (21—61) обрисовываетъ личность эгого отца, говоритъ о его начальномъ воспитаніи въ родной семьѣ и дальнѣйшемъ образованіи въ лучшихъ тогдашнихъ языческихъ школахъ.

Глава 2-я (62—90) представляетъ общую характеристику Григорія Богослова со стороны тѣхъ свойствъ и качествъ, полученныхъ имъ частію отъ природы, частію отъ воспитанія, которыя наложили особый отпечатокъ на его пастырскую дѣятельность.

Въ главѣ 3-й (91—268) обстоятельно говорится объ этой самой дѣятельности. Охарактеризовавъ кратко особенности той эпохи и общества, среди котораго приходилось дѣйствовать Григорію Богослову, авторъ хорошо выясняетъ главную цѣль его пастырской дѣятельности, указываетъ важнѣй-

шія средства къ достиженію ся, а также и тѣ искушенія и гоненія, какимъ суждено было подвергнуться этому добродушному пастырю со стороны истинныхъ враговъ — еретиковъ и даже со стороны православныхъ епископовъ. Заканчивается глава изображеніемъ пастырской дѣятельности св. Григорія по удаленіи его изъ Константинополя, выразившейся въ заботахъ объ устроеніи Назіанзской церкви и въ письмахъ къ многимъ частнымъ лицамъ прежней его пасты.

Вторая часть сочиненія посвящена такому же обстоятельному изложенію воззрѣній Григорія Богослова на пастырское служеніе. Именю, въ главѣ 4-й (269—328) раскрывается общая мысль его, что пастырство есть продолженіе дѣла Искупленія; отсюда—высота, трудность и отвѣтственность этого служенія.

Въ главѣ 5-й (329—369) указываются личныя качества— нравственныя и умственныя, потребныя въ совершителѣ такого служенія.

Глава 6-я (369—392) трактуетъ о необходимыхъ условіяхъ пастырскаго вліянія; глава 7-я (393—484)—о средствахъ и способахъ его.

Въ главѣ 8-й (485—540) раскрытыя ранѣе положительныя сужденія о пастырствѣ находятъ себѣ отрицательное поясненіе въ томъ знаменитомъ обличеніи, какое высказалъ Григорій Богословъ на современныхъ ему недостойныхъ пастырей.

Наконецъ, заключительная 9-я глава (541—586) выясняетъ значеніе Григорія Богослова въ наукѣ христіанскаго пастырства, для чего главный пасторологическій трудъ его „защитительное слово о бѣгствѣ“ сопоставляется съ словами св. Іоанна Златоуста „о священствѣ“ и съ „пастырскимъ правиломъ“ св. Григорія Двоеслова.

Уже это краткое изложеніе содержанія разсматриваемаго сочиненія ясно показываетъ, какою обстоятельностью и полнотою отличается оно. Авторъ не пожалѣлъ ни времени, ни силъ для добросовѣстнаго изученія всѣхъ твореній св. Григорія Богослова, даже и не переведенныхъ на русскій языкъ (каково, напр., стихотвореніе „*εἰς ἐαυτὸν καὶ περὶ ἐπίσκοπων*“). Во всемъ видно серьезное отношеніе къ дѣлу; видна и любовь къ великому свѣтилу православной церкви.

Можно пожалѣть о нѣкоторой растянутости и шероховатости изложенія. Такія фразы, какъ: „для тогда еще дитяти Григорія“ (стр. 26), или: „для вѣрнаго взгляда имъ на свое служеніе“ (339) даются читателю не легко, хотя, конечно, и не затемняютъ мысли.

Для степени кандидата богословія сочиненіе совершенно достаточно“.

52. П. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Троицкаго Ивана*: „Бытъ и нравы древне-русскаго общества по поученіямъ древне-русскихъ проповѣдниковъ (XI—XVI вв.)“ : „Тема автора требовала собрать древне-русскія поученія до начала XVII в. и на основаніи ихъ описать бытъ и нравы древне-русскаго общества. Первую сторону своей задачи авторъ выполнилъ съ похвальной тщательностью. Онъ пересчиталъ множество поученій въ спеціальныхъ изданіяхъ, въ общихъ изданіяхъ памятниковъ, въ журналахъ свѣтскихъ и духовныхъ, въ приложеніяхъ къ разнымъ сочиненіямъ, наконецъ въ рукописяхъ нашей бібліотеки. Три поученія, извлеченныя изъ рукописей, онъ помѣстилъ въ приложеніи къ сочиненію.—Въ описави быта и нравовъ есть значительныя пробѣлы. Прежде всего есть недостатки въ планѣ. Планъ слѣдующій. Гл. 1. Научный интересъ вопроса. Перечень матеріаловъ. Условія исторической жизни, вліявшія на нравы и бытъ древней Руси. Гл. 2. Религіозное состояніе общества. Остатки язычества. Степень и характеръ усвоенія христіанства. Гл. 3. а) Аскетическое направленіе древне-русской проповѣди и отраженіе его въ понятіяхъ и правахъ высшаго и низшаго класса. б) Просвѣщеніе. Наставленія пастырей церкви о чтеніи книгъ. в) Нравы духовенства, г)—князей, высшаго служилаго класса и низшаго свободнаго. д) Пиры и братчины. е) Пьянство и плотскіе пороки. ж) Развлеченія. з) Взаимныя отношенія людей. Мѣстничество. Мечь. Поле. и) Классъ рабовъ. Гл. 4. Семейный бытъ. Какъ видно, планъ сочиненія не отличается стройностью во всѣхъ частяхъ. При изложеніи быта и нравовъ древне-русскаго общества по поученіямъ пастырей авторъ сверхъ прямой задачи старается исторически объяснить тѣ или иныя явленія, найти для нихъ источникъ. Но его знанія не настолько обширны, чтобы дать право автору быть самостоятельнымъ или даже просто смѣ-

лымъ въ своихъ сужденіяхъ. Не часто пускаясь въ собственныя разъясненія, авторъ обнаруживаетъ много наивности. Потому онъ обыкновенно предпочитаетъ прибѣгать къ выискамъ, иногда длиннымъ, изъ разныхъ пособій, становясь за ихъ авторитетъ. Выбираетъ онъ или цѣнныя обобщенія и мѣткія характеристики или же просто красивыя фразы и подгоняетъ ихъ подъ часъ не совсѣмъ къ мѣсту, слабо приклеивая къ своей собственной мысли. Въ самомъ рѣшеніи вопросовъ, въ частныхъ описаніяхъ явленій быта и нравовъ авторъ не всегда удачно пользуется матеріаломъ. Наши древнія поученія, рисующія картину общественныхъ нравовъ и быта, преимущественно обличительнаго характера и изображаютъ ихъ въ одностороннемъ освѣщеніи. Но авторъ знаетъ, что въ нашемъ прошломъ были явленія и свѣтлыя, ему хочется заставить древнихъ проповѣдниковъ говорить о нихъ. И этого онъ достигаетъ, превращая совѣты пастырей въ описаніе нравовъ, принимая идеалы за дѣйствительность. Въ самыхъ общихъ характеристикахъ авторъ теряетъ подъ собою научную почву и говоритъ языкомъ и съ чувствомъ патріота. Жизнь нашихъ предковъ представляется ему почему то ужъ очень горькой и тяжелой и это онъ объясняетъ главнымъ образомъ междуусобіями князей и татарщиной.

Но съ другой стороны въ сочиненіи много хорошаго. Изъ обильнаго матеріала, основательно изученнаго, авторъ умѣло и со вкусомъ составилъ нѣкоторые значительные отдѣлы своего труда, которые читаются съ интересомъ. Это—начало 2 главы о двоевѣрїи, волхвахъ, примѣтахъ и процессѣ слиянія язычества съ христіанствомъ; о нравахъ духовенства (гл. 3 в.), описаніе семейнаго быта (гл. 4).

По всему этому сочиненіе г. Троицкаго можно считать вполне заслуживающимъ его автору степень кандидата богословія“.

53. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Тронина Василія*: „Обличительная рѣчь Господа противъ книжниковъ и фарисеевъ (толкованіе XXIII главы евангелія отъ Маттея)“:

„Сочиненіе представляетъ собою весьма полное и вполне научное толкованіе на 23-ю главу евангелія отъ Маттея, для коего (толкованія) сочинитель обильно и умѣло воспользо-

вался: а, раввинскою литературою (по вторымъ, переводнымъ, источникамъ)—для подробнаго изображенія тѣхъ пороковъ книжническо-фарисейскихъ, кои обличаются Господомъ въ евангеліи,—б., научными данными по критикѣ текста и по библейской филологіи,—и в., какъ новѣйшими западными и русскими, такъ и древне-отеческими пособіями для истолкованія данной главы въ строго православномъ духѣ. Къ сожалѣнію, въ сочиненіи замѣтна одна, не похвальная особенность, которую, въ качествѣ недостатка сочиненія, можно назвать неаккуратностью или неряшливостью, обнаруживающеюся: во 1-хъ въ томъ, что сочинитель не озаботился даже полно и правильно написать данную ему тему разсужденія,—во 2-хъ въ томъ, что онъ не озаботился дать своему сочиненію цѣлостно-законченный видъ, начавъ свое писаніе прямо съ „тогда“.... Когда „тогда“?—какъ будто бы его тетрадь представляла прямое продолженіе послѣдовательнаго комментарія предъидущихъ 22-хъ главъ евангелія, а не была особымъ кандидатскимъ разсужденіемъ (оставленные въ началѣ тетрадки пустые листы могутъ наводить на мысль, что сочинитель хотѣлъ написать коротенькое введеніе, но не написалъ),—въ 3-хъ—въ нѣкой иногда отрывочности и даже безсвязности изложенія мыслей.

Не смотря на этотъ недостатокъ, по своимъ научнымъ достоинствамъ сочиненіе достойно степени кандидата богословія“.

54. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Фелицына Егора*: „Положеніе христіанъ въ римской имперіи при императорѣ Коммодѣ по мученическимъ актамъ того времени“:

„Представивъ во введеніи къ сочиненію (1—20 стр.) краткій очеркъ законодательства предшественниковъ Коммода о христіанахъ, авторъ, затѣмъ, опредѣляетъ задачи своего сочиненія (20—26), даетъ характеристику Коммода (27—36) и, потомъ, переходитъ къ изображенію положенія христіанъ въ римской имперіи при названномъ императорѣ. Сообразно темѣ сочиненія, это изображеніе Фелицынъ построитъ главнымъ образомъ на изученіи двухъ важнѣйшихъ для его цѣлей документовъ— актовъ сцилитанскихъ мучениковъ (39—125) и актовъ Аполлонія (171—272), пополняя указанія ихъ

свѣдѣніями, заимствуемыми изъ твореній древнихъ церковныхъ писателей. Особенно хорошо обследованы имъ акты сцилитанскихъ мучениковъ; имъ описаны, рассмотрѣны и оцѣнены всѣ существующія редакціи этихъ актовъ: Бароніева, Кольбертино Толетанская, фрагментъ Мабилльона, тексты Узенера и Робинсона. Довольно обширная литература касательно этихъ актовъ собрана имъ полно и изучена внимательно. Основательно ознакомился Фелицынъ и съ недавно открытыми актами Аполлонія; онъ пользуется обѣими извѣстными въ наукѣ редакціями этихъ актовъ — армянскою по англійскому переводу Сонеабегу и греческою по изданію въ „Analecta Bollandiana“. Но въ изслѣдованіи „процесса Аполлонія“, желая остаться самостоятельнымъ, онъ не всегда оказывается твердъ въ своихъ заключеніяхъ; впрочемъ, въ этомъ случаѣ онъ въ значительной степени извиняется той путаницей, какая наблюдается и въ ученой литературѣ на счетъ этихъ актовъ.

Удачно Фелицынымъ подобраны и освѣщены также и тѣ извѣстія древне-церковныхъ писателей, какими онъ дополняетъ или разъясняетъ изслѣдуемые имъ мученическіе акты. Исключеніемъ является лишь отдѣлъ о „процессѣ раба Каллиста“ (272—300), за который слѣдуетъ упрекнуть его въ незнакомствѣ съ спеціальной литературой по этому вопросу.

Въ общемъ сочиненіе Фелицына рисуетъ полную, правильную и живую картину положенія христіанъ въ римской имперіи въ правленіе Коммода. На степень кандидата богословія оно даетъ автору несомнѣнное право“.

55. И д. доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Цвѣткова Сергья*: „Рабство у ветхозавѣтныхъ Евреевъ“:

Сочиненіе г. Цвѣткова состоитъ изъ пяти главъ, трактующихъ—о происхожденіи и развитіи рабства въ древности (гл. I, стр. 1—18), о рабствѣ въ первобытный періодъ еврейской исторіи (гл. II, стр. 18—50), объ эпохѣ рабства въ Египтѣ, объ исходѣ Евреевъ изъ Египта и жизни ихъ въ пустынѣ (гл. III, стр. 50—84), о Моисеевомъ законодательствѣ касательно рабства, — при чемъ отдѣльно рассматриваются законы о рабахъ—евреяхъ (стр. 96—132), законы о рабахъ—иностранцахъ (стр. 132—149), законы

о рабняхъ и наложицахъ (стр. 150—174) и высказывается (стр. 174—187) общій взглядъ на еврейское законодательство касательно рабства (гл. IV, стр. 85—187), — и, наконецъ о рабствѣ въ еврейской исторіи (гл. V, стр. 187—267). Главнымъ источникомъ для автора служила Библия, съ которой онъ знакомъ, — надо отдать ему честь, — весьма основательно. Пособіями же для него были, кромѣ двухъ монографій, Андре и Лофе, посвященныхъ специально еврейскому рабству, и извѣстной исторіи еврейскихъ учреждений Сальвадора, — различныя сочиненія по исторіи востока и рабства, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Работа, взятая авторомъ, не принадлежала къ числу трудныхъ и не открывала большого поля для какихъ-либо новыхъ и самостоятельныхъ выводовъ и обобщеній. И авторъ, дѣйствительно, легко и вполне справился съ своей задачей, хотя и не далъ въ своемъ сочиненіи чего-либо существенно новаго для специалиста. Кругъ захваченныхъ имъ вопросовъ вполне, можно сказать, изчерпываетъ взятый имъ предметъ. Рѣшеніе каждаго изъ этихъ вопросовъ дается вполне основательное и достаточно обстоятельное. Несмотря на сравнительно малый объемъ сочиненія, трудно указать въ немъ какіе-либо существенные пробѣлы. Напротивъ, нѣкоторые разсужденія автора, особенно по вопросамъ, выходящимъ изъ его специальныхъ рамокъ, съ пользою для дѣла могли-бы быть даже опущены (я разумію здѣсь, напр., его замѣчанія о семейной жизни евреевъ на стр. 7—8 и его сужденіе о положеніи еврейской женщины на стр. 150 и слѣд.). Въ особенную заслугу автору я ставлю его прекрасный языкъ. Стилъ сочиненія г. Цвѣткова я, не обинуясь, могу назвать образцовымъ. Степени кандидата богословія признаю его вполне достойнымъ“.

г) Представленный инспекторомъ академіи архимандритомъ Арсеніемъ списокъ студентовъ IV курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію. Въ этомъ списокѣ поведеніе 62 студентовъ обозначено балломъ 5 и одного студента (іеромонаха Дамаскина) балломъ 4.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій а) § 132: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются

во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защитеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по которымъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. ж) § 139: „Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія“. з) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“.

2) Правиль касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи

а) § 1: „Въ случаѣ полученія студентомъ на какомъ-либо сочиненіи, за какую либо изъ проповѣдей, или на устныхъ испытаніяхъ по какому-либо предмету балла ниже 3, по

не ниже $2\frac{1}{2}$ (т. е. $2\frac{1}{2}$ или 3—), считать эгогъ балль удовлетворительнымъ для степени кандидата лишь въ томъ случаѣ, когда средній балль по сочиненіямъ и отвѣтамъ будетъ равняться баллу не ниже 4". б) § 2: „Получившій въ теченіе академическаго курса по одному какому-либо предмету балль ниже $2\frac{1}{2}$, но не ниже 2, или по двумъ предметамъ $2\frac{1}{2}$, по окончаніи полнаго курса удостоивается званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія при окончаніи курса или въ продолженіе слѣдующаго учебнаго года, подѣ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на новомъ устномъ испытаніи (при чемъ балль должно получить не ниже 4), если неудовлетворительный балль поставленъ за устный отвѣтъ, или по представленіи удовлетворительнаго сочиненія (при чемъ балль долженъ быть полученъ не ниже 3), если неудовлетворительный балль поставленъ былъ за сочиненіе. Примѣчаніе: Право подвергаться испытанію предоставляется всего одинъ разъ“. 3) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предѣ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи студентовъ IV курса: 1) Покровскаго Александра, Воронцова Евгенія, Николина Николая, Павлова Александра, Смирнова Сергѣя 1-го, Волына Александра, Силвина Дмитрія, Петрова Тихона, Каверзнева Фодора, Вылегжанина Николая, Соколова Ивана, Воскресенскаго Евгенія, Колтыпина Леонида, Полозова Николая, священника Иванова Ксенофонта, Казанскаго Николая, діакона Бережкова Ивана, Кобринна Михаила и Голованова Ивана въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; 2) Грибановскаго Александра, Розанова Андрея, Борисоглѣбскаго Пвана, Вишерскаго Модеста, Москвина Александра, Березовскаго Николая, Цвѣткова Сергѣя, Звѣрева Александра, Фелицына Егора, Абрютина Владиміра, Смирнова Сергѣя 3-го, Горскаго Сергѣя, Голубцова Николая, діакона Вознесенскаго Александра, Кречетовича Юсефа, священника Добро-

хвалова Михаила, Пѣвницкаго Михаила, Попова Николая, Альбова Веніамина, Бонина Григорія, Забавина Бориса, Смирнова Александра, Троицкаго Ивана, Никольскаго Владимира, Орловскаго Ивана, Некрасова Сергѣя, Литкевича Алексѣя, Ласточкина Онисифора. Тронина Василия, Долганова Ефрема, Васютина Гавріила и Минкевича Ивана—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ §§ 137 и 139 академическаго устава; 3) Миловидова Виктора, Поповича Михаила, Достойнова Якова, Вознесенскаго Николая, Надеждина Христофора, Орлова Никанора, Подобѣдова Сергѣя, Преображенскаго Николая, Рубина Николая, Смирнова Гавріила, Савабини Панаіота и іеромонаха Дамаскина въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: Миловидову Виктору, Поповичу Михаилу, Достойнову Якову, іеромонаху Дамаскину и Савабини Панаіоту—подъ условіемъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ на новыхъ устныхъ испытаніяхъ и представленія удовлетворительныхъ семестровыхъ сочиненій по тѣмъ предметамъ, по которымъ имѣются у нихъ неудовлетворительные баллы (Савабини,—кромѣ того, —и подъ условіемъ представленія удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія); Вознесенскому Николаю, Надеждину Христофору, Орлову Никанору, Подобѣдову Сергѣю, Преображенскому Николаю, Рубину Николаю и Смирнову Гавріилу—подъ условіемъ представленія сочиненій, заслуживающихъ сей степени.

V. Предложеніе о. ректора академіи *архимандрита Таверентія*:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ курсъ студентовъ академіи для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ академіи“.

Справка: 1) §§ 54—56 устава духовныхъ академій. 2) По смѣтѣ расходовъ на содержаніе академіи ассигнуется ежегодно на выдачу жалованья профессорскимъ стипендіатамъ 1400 рублей, а за вычетомъ 2% на пенсіи—1372 рубля. 3) § 81 лит. б. п. 5 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія къ замѣщенію преподавательскихъ кафедръ въ академіи въ буду-

щемъ учебномъ году нынѣ окончившихъ курсъ воспитанниковъ академіи Александра *Покровскаго*, Евгенія *Воронцова* и Николая *Николина* съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 457 р. 33 к. въ годъ каждому. 2) Миѣніе сіе представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VI. а) Заявленія стипендіатовъ и своеконитныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ академіи: *Абрютина* Владиміра, діакона *Бережкова* Ивана, *Бонина* Григорія, *Васютина* Гавріила, діакона *Вознесенскаго* Александра, *Воскресенскаго* Евгенія, *Горскаго* Сергѣя, *Забавина* Бориса, священника *Доброхвалова* Михаила, *Достойнова* Якова, *Запрева* Александра, священника *Иванова* Ксенофонта, *Каверзнева* Ѳедора, *Казанскаго* Николая, *Ласточкина* Опясифора, *Литкевича* Алексѣя, *Никольскаго* Владиміра, *Орлова* Пиканора, *Подобьдова* Сергѣя, *Преображенскаго* Николая, *Розанова* Андрія, *Смирнова* Александра, *Смирнова* Гавріила, *Троицкаго* Ивана и *Цвѣткова* Сергѣя о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

б) Прошеніе нынѣ окончившаго курсъ въ академіи Николая *Голубцова*: „Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{25 ноября} _{7 января} 188⁶/7 года за № 2563 совѣтамъ академіи предписано окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ, не получившихъ назначенія на мѣсто по духовно-учебному вѣдомству, обращаться въ епархіи по мѣсту ихъ родоприсхожденія, съ отсылкою документовъ въ подлежащія консисторіи. Согласно этому предписанію я долженъ быть обращенъ по мѣсту родоприсхожденія въ Волинскую епархію, и мои документы должны быть отосланы въ Волинскую духовную консисторію. Но я имѣю честь покорнѣе просить Совѣтъ Московской духовной академіи обратить меня въ вѣдѣніе Холмско-Варшавскаго епархіальнаго начальства и мои документы отослать въ Холмско-Варшавскую духовную консисторію. Мое желаніе служить въ Холмско-Варшавской епархіи обусловливается тѣмъ, что я получилъ образованіе въ Холмской духовной семинаріи, и въ Холмско-Варшавской епархіи живутъ мои родители, и, наконецъ, ботѣ 20-ти лѣтъ не состою въ вѣдѣніи Волинскаго епархіальнаго начальства“.

Справка: Определеніемъ Свягѣйшаго Синода отъ $\frac{3 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590 предписано совѣтамъ академій, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отлѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ определеніями Свягѣйшаго Синода отъ $\frac{23}{27}$ апрѣля 1884 г. и $\frac{27 \text{ января}}{17 \text{ февраля}}$ 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ академіи проступковъ, и чтобы по сообщеніи Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

О п р е д ѣ л и л и : 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента доставить въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ сообщить списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно учебному вѣдомству, съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ—а) мѣста ихъ происхожденія; б) отлѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; и в) требуемыхъ определеніями Свягѣйшаго Синода отъ $\frac{23}{27}$ апрѣля 1884 г. и $\frac{27 \text{ января}}{17 \text{ февраля}}$ 1888 года, свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на

какую учительскую казенную или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ академіи проступковъ. 2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи. 3) Окончившаго курсъ Николая Голубцова, согласно его прошенію, уволить, по мѣсту жительства его родителей, въ Холмско-Варшавскую епархію, куда и препроводить всѣ его документы.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Іюл. 9. Окончившіе курсъ воспитанники, поименованные въ IV ѣ статьѣ, утверждаются, согласно постановленію совѣта, девятнадцать въ степени кандидата, съ правомъ на магистерскую безъ устнаго испытанія; двѣнадцать въ званіи дѣйствительнаго студента, съ прошсанными условіями на полученіе кандидатской степени; прочіе—въ кандидатской степени, съ подчивеніемъ 137 и 139-му §§—фамъ устава относительно магистерской степени.

Воспитанники трехъ курсовъ, поименованные въ I, II и III-ѣ статьяхъ сего журнала, переводятся, согласно опредѣленію совѣта, въ слѣдующіе курсы.

Мнѣніе объ оставленіи Покровскаго, Воронцова и Николаина при академіи, привести въ исполненіе, какъ изложено въ статьѣ V-ѣ.

Опредѣленіе по статьѣ послѣдней исполнить“.

7 Іюня 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ В. Кипарисова и А. Введенскаго, находящихся въ отпуску, В. Ключевскаго и А. Бѣляева, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвящен-

ствомъ съ надписью: „Мая 19. Въ совѣтъ академіи“. указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 16 мая за № 2387:

„По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 марта сего года за № 136, по ходатайству совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи смотрителя Жировицкаго духовнаго училища кандидата богословія Петра *Полянскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Первое посланіе Святаго Апостола Павла къ Тимоѳею. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія“. Приказали: Смотрителя Жировицкаго духовнаго училища кандидата богословія Петра Полянскаго, удостоеннаго совѣтомъ Московской духовной академіи степени магистра богословія за вышеназванное сочиненіе, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Новгородскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для смотрителя Жировицкаго духовнаго училища Петра Полянскаго магистерскій дипломъ и препроводить его по принадлежности; 2) Правленію Жировицкаго духовнаго училища сообщить объ утвержденіи Полянскаго въ степени магистра богословія.

II. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 8 мая за № 3022: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 1 сего мая докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Александръ *Вокресенскій* освобожденъ отъ даннаго ему назначенія на должность помощника инспектора въ Тифлисскую духовную семинарію. Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ совѣту академіи въ дополненіе къ отношенію отъ 7 минувшаго апрѣля за № 2412“.

б) отъ 30 апрѣля за № 2766: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 26 апрѣля 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской

духовной академіи Иванъ *Половъ* учителемъ географіи и ариѳметики въ штатные классы Кишиневскаго духовнаго училища“.

в) отъ 21 мая за № 3243: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 17 мая 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Сергѣй *Арановичъ* учителемъ географіи и ариѳметики въ Никольское духовное училище“.

Къ сему Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода присовокупляетъ, что объ ассигнованіи кандидатамъ *Полову* и *Арановичу* слѣдующихъ имъ, по положенію, денегъ, сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію о. ректора академіи всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ дано знать о состоявшемся относительно ихъ распоряженіи Высшаго Начальства.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Вѣдомость о. ректора академіи архимандрита Лаврентія о пропущенныхъ наставниками академіи лекціяхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что а) *по болѣзни* — экстраординарный профессоръ В. Кипарисовъ опустилъ 7 лекцій, ординарный профессоръ П. Цвѣтковъ—3 лекціи, доцентъ В. Мышцынъ и и. д. доцента С. Смирновъ—по 2 лекціи, экстраординарный профессоръ Г. Татарскій и доцентъ И. Андреевъ—по 1 лекціи; б) *по семейнымъ обстоятельствамъ*—экстраординарный профессоръ П. Корсунскій и доцентъ В. Мышцынъ—по 3 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта академіи.

IV. Отзывы о сочиненіи инспектора Повгородской духовной семинаріи *іеромонаха Евдокима* подъ заглавіемъ: „Святый Апостолъ любви и евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его жизнь и благовѣстническіе труды. Опытъ историческаго изслѣдованія“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) ординарнаго профессора академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта Митрофана *Мурстова*: „Научно-богословское изученіе священной личности Іоанна Богослова, какъ и всякаго библейскаго писателя, можетъ